

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ПОДАРОК НАСЛЕДНОГО
ПРИНЦА

Полковник Гуров

Николай Леонов

Подарок наследного принца

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Подарок наследного принца / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-106651-2

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. Полковник МВД Гуров расследует дело об аварии автомобильного контейнера на одной из кавказских дорог. Машина перевозила архив сочинского суда, поэтому первая версия следствия – попытка злоумышленников уничтожить важные документы. Однако при тщательном осмотре выяснилось, что архив не пострадал. Что же тогда на самом деле произошло на горном серпантине? Гуров теряется в догадках, пока не встречает человека, который сообщает сыщику, что эта авария – часть хитроумного плана, задуманного ради грандиозного хищения международного масштаба...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106651-2

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Подарок наследного принца	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Леонов, Алексей Макеев

Подарок наследного принца

(сборник)

Подарок наследного принца

Глава 1

Кто участвовал в переездах – на новую квартиру или в новый офис, – тот знает, что все эти хлопоты сродни пожару и без потерь тут не обойтись. Что-то уронили при погрузке, что-то во время транспортировки разбилось, а что-то вообще забыли захватить или отвезли не туда, куда нужно. В приличной семье за сборы всегда отвечает жена, за транспорт и грузчиков – муж. А вот в крупной компании, в серьезном учреждении обязательно имеется административно-хозяйственная служба. Она существует почти незаметно, ее другие сотрудники офисов не особенно и видят, но все работает, лампочки меняются, стены красятся, плитка обновляется. АХО в хорошей компании – это, если говорить образно, и папа, и мама. А иногда и добрая бабушка.

Правда, не многие знают, каково самой этой службе все успевать, все помнить, быть ко всему готовой. Начальник административно-хозяйственного отдела сочинского суда Алексей Владимирович Моксин был из тех руководителей, которые считают, что, если хочешь, чтобы работа была выполнена хорошо, сделай все сам. Не самый эффективный способ руководства подразделением, но Моксин как-то все успевал. Созванивался, договаривался, приезжал лично и выбирал строительные материалы, оборудование для офисных помещений и рабочих кабинетов. Лично присутствовал при вывозе строительного мусора или починке мебели в зале судебных заседаний.

Но такое масштабное мероприятие, как переезд части суда в новое помещение, проконтролировать одному крайне сложно, и Моксину пришлось волей-неволей делегировать часть работы и ответственности своему помощнику Игорю Валовику. Каково же было удивление Алексея Владимировича, когда он увидел в коридоре два несгораемых шкафа с архивными делами под номерами «214» и «221».

– Игорь! Это что такое? – Голос Моксина из громогласного превратился в шипящий, да еще с каким-то зловещим присвистом. – Я спрашиваю, это что такое?

Валовик, в расстегнутой до пупа рубашке и с грязными ладонями, подбежал с виноватым видом к начальнику и начал оправдываться:

– Алексей Владимирович! Рабочие не погрузили. Я пока контролировал погрузку стеклянного стола, они забыли про эти сейфы.

– Игорь, когда ты поймешь, что в современном мире ценится не работа, а конечный результат? – зло бросил Моксин. – Кого интересует, что ты хотел и о чем ты думал. Ты не сделал, вот что главное. Я тебя просил лично, понимаешь, лично проследить!

– Ну, может, на завтра машину вызовем?

– Какое на завтра! Завтра здесь будут люди ходить, работа начнется, а у нас два сейфа на дороге торчат, да еще и с документацией, с судебными делами!

– Вон, машина еще не ушла, – с радостным блеском в глазах ткнул пальцем Валовик в сторону «КамАЗа».

– А почему она здесь стоит? – удивился Моксин, но потом махнул рукой. Сейчас было важно другое.

Подойдя к водителю, который проверял какие-то шланги, откинув кабину машины, Алексей Владимирович поинтересовался:

– А ты чего пустой стоишь? Ты что сегодня возил?

– Я ходку сделал, а потом у меня через штуцер масло стало гнать. Вот пока заменил, пока туда-сюда. Уже уезжаю. Нас до четырех прислали, в пять я должен быть в гараже.

– Подожди! – оборвал водителя Моксин и полез в карман за телефоном.

Набирая номер, он обошел машину, заглянул в пустой металлический фургон, двери которого были открыты настежь. Привычка решать все быстро и эффективно сделала свое дело. И связи, наработанные за столько лет, тоже играли большую роль.

– Сан Саныч! – торопливо заговорил в трубку телефона Моксин, обрадовавшись, что заместитель директора транспортной компании взял трубку так быстро. – Вопрос на один час, Сан Саныч. Одну ходку еще, к тому же и машина пустая под загрузкой, разреши задержать ее на часок. Чуть-чуть не успели все перевезти.

– Ну как вы там планируете? – спросил собеседник, скорее для порядка, чем действительно возмущился этой просьбой. – Ладно, ты, Алексей Владимирович, сам проконтролируй, чтобы за час уложиться. Ну, и с водителем там реши, накинь ему от щедрот лично на карман. Я тоже, знаешь, не могу нарушать законодательство и заставлять их работать сверх лимита времени. Дай ему трубку.

Моксин протянул трубку водителю, а сам демонстративно полез в карман и достал бумажник. Он слышал, как заместитель директора говорил:

– Захарченко, ты еще один рейс сделай. Тебя там, на месте, премируют, а в гараже я предупрежу, что ты по делу задержался. Понял?

Четыре часа утра – это еще утренние сумерки. Солнце где-то за вершинами Большого Кавказского хребта готовится подняться и осветить серпантин, который то появляется на открытых участках, то теряется за кронами деревьев. Дорога Туапсе – Майкоп очень удобна для тех, кто хочет сократить путь к морю. Но не везде она в хорошем состоянии. Есть здесь участки со щебенчатым покрытием, отчаянно пылящим под колесами. Есть участки, где дорожное полотно не огорожено, и приходится ехать по краю пропасти. Нет, это не зловещая пропасть, которая рисуется в воображении неискушенного человека, не обрывистый провал в скалах. Здесь это даже красиво, когда по крутому склону вниз спускается лес. Густой, прохладный, наполненный птичьим пением.

Андрей Борисов вел машину осторожно, радуясь, что нет встречных машин, что никто не пылит в лицо. Жена мирно дремала на пассажирском сиденье, иногда открывая глаза и бросая сонный взгляд на окружающую зелень, и снова закрывала их со сладким томным вздохом. Еще несколько часов – и море!

Выдранные с корнем деревья топорщили в серых утренних сумерках корявые грязные скрюченные пальцы, белеющая поломанная древесина была похожа на обнаженные кости. Широкая борозда содранной травы и вывороченных камней, уходящая вниз, сразу бросилась в глаза водителю. Тихо выругавшись, он затормозил, а потом совсем остановил свою машину, заглушив двигатель.

– Что, Андрюша? – открыв глаза, непонимающе посмотрела на Борисова жена, а потом села на сиденье прямо, увидев, что он вышел из машины и пошел вперед по дороге. Теперь и она увидела след.

Андрей вернулся в кабину и схватил с приборной панели мобильный телефон.

– Сиди здесь! – коротко и властно сказал он ей.

– А что там, Андрей? – Катя уже заранее испугалась ответа мужа. Это было страшно – ехать на море, испытывать такие приятные эмоции и вдруг столкнуться с чьей-то бедой.

– Машина сорвалась вниз. Сиди здесь!

Когда дежурный управления внутренних дел услышал сообщения с перевала, он еле слышно выругался, потом попросил:

– Вы можете побыть там минут десять? Я сейчас отправлю к вам наряд.

Через пятнадцать минут к месту аварии подъехали три полицейских машины. Борисова быстро допросили, но сделано это было для порядка, а не потому, что он мог сообщить какие-то важные сведения. Ехал, увидел, никаких следов, никаких других машин. Свидетелем аварии не был, звуков не слышал. А еще через пять минут прибыл микроавтобус с бригадой МЧС.

– Кто здесь старший от районного УВД? – спросил эмчэсовец, глянув вниз, и тут же представился: – Старший лейтенант Павлов. Краевой спасотряд.

К нему подошел майор с повязкой оперативного дежурного на руке и хмуро спросил:

– У вас снаряжение с собой?

– Снаряжение? – Павлов сдвинул на затылок мягкую форменную фуражку. – Снаряжение-то есть, только быстро спуститься не получится. Тут и так заросли, как на Амазонке, да еще грузовик натворил дел.

– Там может быть раненый человек, – напомнил майор.

– Да знаю я, знаю! – тоже нахмурился Павлов и, повернувшись к своей машине, крикнул: – Парни, доставайте снаряжение! Сашка, «птичку» свою давай!

Через несколько минут в воздух поднялся квадрокоптер с камерой и медленно пошел в ущелье, зависая над особенно сложными участками предстоящего спуска. Старший лейтенант с оператором смотрели на экран монитора, обсуждая детали. Еще минута, и квадрокоптер завис над смятой кабиной «КамАЗа», едва не задевая ветки деревьев. Как ни пытался оператор подвести его ближе, чтобы увидеть, что там, в кабине, ничего не получалось.

А еще через пятнадцать минут начался спуск. Оперативный дежурный, убедившись, что в данном случае не поможет даже вертолет, уехал к себе. На месте остались два экипажа ГИБДД, которые регулировали движение, пропуская на узком участке машины то в одну сторону, то в другую. Движение стало плотнее, пошли большегрузные машины. Водители хмуро поглядывали из кабин на изуродованный склон.

Прошло больше двух часов, прежде чем Павлов со своим помощником спустились, наконец, на дно ущелья. Здесь было много камней и открытых участков, усыпанных мелким щебнем. Почти не было кустарника. Старший лейтенант, освободившись от тормозного механизма на веревке, бросился к кабине машины. Железо было смято на одну сторону, ни одного целого стекла. Но больше всего настораживало обилие крови. Павлов лег на камни и стал протискивать руку в кабину через искореженный проем лобового стекла. Судя по всему, водитель лежал на боку, головой на пассажирском сиденье.

– Ну что? – спросил сидевший рядом на корточках помощник.

– Температура низкая. Скорее всего, он мертв, – с кряхтением ответил Павлов. – Сейчас доберусь до шеи, до артерии... Крови до хрена... Пульса нет...

Когда старший лейтенант поднялся на ноги, правая рука у него была по локоть в крови. Левой рукой он вытащил из нагрудного кармана рацию и передал вверх результаты обследования и регистрационный номер автомашины. Ему ответили, что «Скорая помощь» прибыла и будет ждать окончательной информации. Спасатели натянули вторую веревку выше по склону на высоте пары метров над дном ущелья и закрепили ее конец на противоположной стороне. Сверху стали спускать инструмент для резки металла.

Через час удалось срезать крышу машины. Павлов ощупал карманы погибшего, вытащил бумажник и стал диктовать по рации:

– Водительское удостоверение на имя Захарченко Павла Петровича. Регистрационное свидетельство на автомашину. Банковская карточка на имя Захарченко. Передайте сведения полиции. Спускайте «лежак», будем поднимать тело. Что? Нет, он был в кабине один.

Когда тело подняли наверх, оперативно-следственная группа начала свою работу. Подъехавшего представителя транспортной компании посадили в машину, где молоденькая девушка-дознательница начала допрос:

– Скажите, Александр Александрович, водитель Захарченко выполнял рейс по вашему заданию?

Грузный мужчина с бритым гладким черепом вытирал голову платком и все вытягивал шею, пытаясь увидеть, что делают криминалисты на дороге.

– Машина была направлена по договору в сочинский суд для перевозки мебели. Они там не уложились по времени и попросили одну машину задержать на час. Я разрешил. А утром узнал, что Захарченко не вернулся в тот вечер в гараж.

– Вам не сообщили сразу о том, что одна машина не вернулась? – удивилась дознавательница.

– Ну, это излишние строгости, – поморщился представитель компании. – Фактически водители обязаны прибывать в гараж и делать отметку о времени прибытия, километраже, расходе горючего, но все это можно сделать и утром. После тяжелого рейса водитель устал, а ему нужно гнать машину в гараж, а потом возвращаться домой ночью за полсотни километров, поэтому мы часто разрешаем своим ребятам в некоторых случаях ночевать дома, а утром возвращаться.

– И что, никто не заинтересовался, что машины уже двое суток нет в гараже?

– Заинтересовался, – со вздохом ответил мужчина. – Мы уже обзвонили и родственников, и знакомых Захарченко. И в суд звонили, искали их представителя, который с машиной должен был ехать. Точнее, поехал, но его тоже не могут найти. Короче, мы сегодня утром намеревались официально заявление в полицию подавать об исчезновении машины и водителя. Но вот... нашли ее быстрее и без нас.

Лев Иванович Гуров отложил в сторону электробритву и осмотрел в зеркале свое лицо. Порядок! Он терпеть не мог, когда утром едешь на работу, когда впереди напряженный день, а тебя что-то отвлекает или даже раздражает – щетина на лице, несвежая рубашка, забытый дома телефон. Мысли были привычные, но далекие от действительности. Полковник Гуров давно работал в этом ритме, давно приучил себя к порядку и соблюдению определенных правил. Без них выдержать нагрузки его профессии оперативника уголовного розыска довольно сложно. И не важно, что ты уже не старший опер-уполномоченный МУРа, а сотрудник центрального аппарата уголовного розыска МВД. Работы хватает и напряжения тоже. Просто это уже другой уровень проблем и ответственности. А приезд на работу небритым и в несвежей рубашке – это что-то уже из области фантастики или очень далекой лейтенантской молодости, когда, собственно, и мобильных телефонов еще не было.

Маша подошла неслышно, постояла за спиной мужа, а потом прижалась щекой к его плечу.

– Ну, вот, – сказала она, – опять все наши планы полетели в тартарары.

– Не переживай ты так, – улыбнулся Лев Иванович и слегка похлопал жену по руке. – Не получилось в этом году, получится в следующем. Разве они куда-нибудь денутся, эти Эмираты? И они останутся на своем месте, и горячий песок, и море тоже не утечет в другое место.

– Не море, а Персидский залив, – поправила его Маша и вздохнула: – Я все понимаю. Просто трудно смириться с мыслью, что поездка сорвалась, когда ты так настроена была, готовилась.

– Вот вернется твоя Виола оттуда, – пообещал Гуров, – привезет кучу фотографий, впечатлений и рассказов, и сразу возникнет ощущение, что мы там тоже с ней побывали.

– Ага, – засмеялась Мария, – если не мы в Эмираты, то хотя бы Эмираты к нам! Ладно, полковник, я не хандрю, я привыкла. Когда будет возможность, тогда и махнем!

Она провела рукой по гладко выбритой щеке мужа, потом притянула его голову к себе и прижалась теплыми губами к уголку его губ. Гуров очень любил этот ее жест, а Маша просто обожала свежевывбритые щеки мужа.

– Ну, ладно, полковник, тебе пора на работу, а мне готовиться к спектаклю. Виола отдыхает, а мне играть ее роли.

Они посмотрели друг другу в глаза. Это был как ритуал, сложившийся годами. Один взгляд, внимательный. Все хорошо? – Все хорошо! И тогда можно спокойно ехать на работу, и Маша может спокойно погружаться в свое творчество. А потом будет вечер, тишина их любимой уютной кухни и стол под абажуром. И вечерний чай, и тихий разговор о том, как прошел день, или ни о чем, просто разговор. И понимание, что все хорошо, что на душе спокойно. Это нужно было обоим. Понимание, что на душе мир и покой, что дом и вот этот абажур – незыблемое, центр их мира, то, что их объединяет. И тогда можно жить, работать, решать проблемы, сталкиваться со злом и бедами, но знать, что будет вечер, будет абажур и чай перед сном. И любимые глаза напротив.

Утренняя оперативка была отменена. Гуров посмотрел на часы, потом на широкую спину Крячко возле сейфа и предложил:

– А давай-ка еще по чашечке кофе?

– Давай, – согласился Станислав. – Эта погода сегодня навевает тоску и клонит в сон. Прошел бы уж приличный дождь, вымыл бы улицы, а потом снова солнце и голубое небо. А то ни туда ни сюда. Хмурится, давит на психику.

– Вот не знал, что у тебя психика такая нежная, – засмеялся Лев и пошел к столику в углу их кабинета готовить кофе. – Столько лет с тобой работаю бок о бок и всегда думал, что ты – кремь, скала.

– Тсс... – Крячко обернулся и опасно посмотрел по сторонам. – Ты только никому не говори! А то еще узнают, что у меня нежная трепетная душа, что я по ночам стихи пишу, а поутру нюхаю цветы на лоджии.

Зазвонивший на столе внутренний телефон заставил замолчать обоих. Как-то вдруг стало понятно, что шуткам придется подождать. А возможно, и кофе тоже. Крячко поднял трубку, послушал и, отключившись, развел руками:

– Все. Попили. Орлов вызывает.

– Ну, пошли, – пожал плечами Лев и поставил на стол банку с кофе.

– Он тебя одного вызывает.

Когда Гуров вошел в кабинет начальника, генерал Орлов поднялся из-за стола и, протянув ему руку, произнес:

– Хочу компенсировать тебе сорвавшийся отпуск.

– Неужели премию выпишешь? – удивился Лев.

– Почти, – загадочно усмехнулся генерал. – Командировочные. Но на море, правда, Черное, но все же. Нужно слетать в Сочи на несколько дней. Глядишь, выгадаешь пару часиков искупаться и на пляже поваляться.

– Сочи? Что там стряслось?

– По сути, событие мелкое, правда, погиб человек. Но есть нюансы. Вчера на участке трассы Туапсе – Майкоп в районе поселка Кирпичное в пропасти нашли «КамАЗ» с фургоном. Ущелье там не глубокое, но склоны очень крутые и обильно поросшие древесной растительностью. Короче, машина свалилась вниз с высоты метров восемьдесят. Все всмятку, водитель погиб.

– Дело районного отдела полиции, – покачал головой Гуров. – Почему оно заинтересовало Главк?

– Потому что машина вечером не пришла в пункт назначения и где-то моталась два дня. А от Сочи до места аварии всего 160 километров, и ехать туда всего три с небольшим часа, даже по их серпантинам. А еще потому, что машина перевозила архивные сейфы с судебными делами. Заказчиком выступал сочинский суд.

– Дела пропали?

– Спасателям с большим трудом удалось спуститься в ущелье. К сожалению, водитель был мертв. Вскрывать фургон я пока запретил до прибытия нашего представителя. То есть тебя.

– Значит, ты хочешь, чтобы я распутал это дело? Порылся там как следует?

– Нет, – махнул рукой Орлов. – Кому распутывать, и так найдется. Тут дело в другом, Лева. Мне нужно, чтобы первым оценил ситуацию и положение дел человек, которому я верю, как себе самому. Ты мне там нужен со своим экспертным мнением. За очень короткий срок ты должен на месте принять решение о необходимости создания оперативно-следственной группы МВД, не ниже. В группу мы включим специалистов из нашего ведомства, Генпрокуратуры, Центрального аппарата Следственного комитета и Экспертно-криминалистического Центра МВД.

– Ого! – воскликнул Гуров. – У тебя что, есть серьезные подозрения?

– Есть! – кивнул генерал. – У меня есть информация от местного дознания. Возможно, что это не несчастный случай, не просто авария на дороге. Это попытка скрыть нарушения в рамках судебных разбирательств по некоторым делам. В том числе по коррупционным делам, связанным со строительством олимпийских объектов в Сочи.

– Резон, конечно, в твоём предположении есть, – согласился Гуров. – Но для чего такие сложности, зачем привлекать внимание к пропаже машины, которая неизвестно где была двое суток. Не проще было угнать ее и точно так же сжечь под видом того же ДТП? Но сразу. Почему через два дня?

– Вот поэтому я и посылаю тебя, Лева. Ты мне и ответишь на эти вопросы. Черт ее знает, какова цель. Может быть, кому-то дали несоизмеримо малый срок, а он виновен в миллиардных хищениях. Может быть, кого-то освободили незаконно от уголовного преследования, может, просто посадили невиновного, а настоящий виновник отдыхает на курорте. Мы этого не знаем, но все это возможно. Главное, что есть шанс схватить за нечистую руку тех, кто занимался подтасовками. А учитывая объемы, которыми там ворочали... будь поосторожнее. И захвати оружие. Мало ли.

– Не переживай, Петр, – улыбнулся Гуров. – Не в первый раз. Ты же знаешь, что я человек осторожный.

– Знаю. Ты глубоко там не лезь. Мне нужно твое мнение, а потом начнет работать группа, все будет официально и на высоком уровне. Тогда и копнем как можно глубже. А пока ты будешь там один, и ты будешь уязвим. Ехать надо срочно и без подготовки. Нет времени знакомиться с компроматами на местных руководителей, с криминальным миром. Все на месте.

– Когда вылетать? – деловито спросил Лев.

– Самолет через три часа. Билет тебе заказан.

Через два часа Гуров был в Домодедово. А еще через час лайнер поднял его в небо и понес в сторону Кавказского побережья. Ну, вот, думал Лев, прикрыв глаза, такова моя работа. Еще утром мы с Машей грустили, что в этом году не получится отдохнуть на курорте. Еще три часа назад я даже и подумать не мог, что полечу в Сочи. И вот я уже в воздухе. Какие плюсы и минусы я имею? Мне предстоит серьезное и важное дело. Учитывая напутствие Петра и обстоятельства, с которыми он меня познакомил, поработать придется там с напряжением всех своих сил. Ну, это обычное дело. Зато будет возможность подышать морским воздухом и

подставить лицо южному солнцу. Правда, у меня с собой минимум вещей и нет даже плавок, чтобы искупаться и позагорать, но это не смертельно. Особенно если учесть, что жить я буду на всем готовом, включая туалетные и постельные принадлежности. И питание тоже. А вот что касается моря... Сейчас в курортном городе купить все, что тебе нужно для пляжа, можно чуть ли не на каждом углу, особенно в районе пляжной зоны. Вопрос, будет ли у меня возможность искупаться, а следовательно, есть ли необходимость покупать плавки...

В суете посадки Гуров не успел рассмотреть пассажиров бизнес-класса и только сейчас обратил внимание, что на соседнем кресле сидит женщина лет тридцати. Она с наслаждением вытянула ноги, и Лев догадался, что ей невыносимо хочется сбросить туфли на высоких каблуках. Но настоящая леди не может позволить себе при постороннем мужчине остаться босиком.

– Поверьте мне, – тихо сказал он, чуть наклонив голову к плечу соседки. – Я столько лет летаю в командировки по всей стране, и мне ли не знать, что порой снять обувь – желание сильнее голода, жажды и всего остального, о чем, бывает, мечтает человек. Если хотите, я отвернусь.

Женщина с интересом посмотрела на него. На ее холодном холеном лице появились живые эмоции. Мягко очерченные красивые губы чуть тронула улыбка.

– А вы наблюдательны, – сказала она, скользнув взглядом по дороговому костюму Гурова и его ботинкам. – И вы правы. К черту условности, когда ты весь день на ногах, а лететь еще два с лишним часа.

Лев тактично отвел взгляд, но по движениям соседки понял, что она сняла туфли.

– Спасибо вам, – блаженно откинулась на спинку кресла женщина. – Давайте тогда уж знакомиться, мой спаситель. Меня зовут Регина.

– Лев Иванович, – склонил голову Гуров. – Летите отдыхать? Море, солнце, процедуры?

– Да, надо иногда давать отдых не только телу, но и голове, своему внутреннему «я». В этой круговерти современной жизни главное вовремя уловить, когда вот-вот наступит надлом. И тогда надо остановиться. Хоть на минуту, хоть на день. Видите, даже не успела заехать домой и переодеться во что-то более удобное.

– Да, вы правы, – согласно кивнул Лев.

Он слушал женщину и по привычке пытался понять, кто она. Бизнес-леди? Точно нет. Если у человека мелкий бизнес, то заявление слишком громкое о немислимых нагрузках и бешеном темпе жизни. Серьезный бизнес, и она действительно вымоталась? Ну, уж нет, эту среду Гуров тоже знал хорошо. Если у человека серьезный бизнес, если он просто занимает высокую должность в качестве топ-менеджера, то и в отпуске у него много дел по работе. Не бывает при таком статусе у человека свободного от своей работы времени. Чем выше должность, чем серьезнее бизнес, тем больше времени приходится уделять новым проектам, развитию, иначе все встанет и погибнет. Только динамика, только движение вперед. И много времени занимает одна из важнейших функций руководителя – функция контроля.

Гуров вспомнил, что заметил эту даму еще в VIP-зоне терминала. Она просто сидела и смотрела в сторону большого окна. Потом листала какой-то глянцевого журнала. А многие пассажиры бизнес-класса даже там не расставались с телефонами, кто-то открыл ноутбук. Информация, переписка, принятие управленческих решений. Нет, эта Регина не занимается бизнесом. Может быть, она высокопоставленный сотрудник муниципальной администрации? Нет, слишком ее рассуждения о надломе искусственные, надуманные какие-то. Хотя нельзя отрицать, что разные люди по-разному реагируют на те или иные трудности. Может, и надлом, может, она умеет абстрагироваться от своей работы полностью на какое-то время. И спокойно отключает телефон. Чаще всего у таких людей и бизнес идет плохо, потому что нельзя отпустить ситуацию ни на минуту.

А может, у нее муж бизнесмен? Наслушалась от него и пытается рисоваться перед незнакомцем, вот я, мол, какая крутая. Это было одно из любимых занятий Гурова в ситуации, когда

он не мог заниматься своей работой и вынужденно бездельничал. Он любил изучать людей, пытался определить статус человека рядом с собой, образ его жизни, даже образ мыслей. Мало кто, чья деятельность не связана с работой с людьми, задумывается, что внутренний мир человека накладывает неизгладимый отпечаток на его внешность. Причем не только на манеру одеваться, а на черты лица, на его выражение.

– Вы не смотрели прогноз погоды в Сочи на ближайшую неделю? – спросил Лев. – Что нас там ждет?

– Смотрела, – важно кивнула головой Регина. – Жаркая погода. Безветренная и без осадков. Даже кратковременных. Так что – пляж, пляж и только пляж. Ну, и прохладительные напитки вечером.

– Я человек не завистливый, – засмеялся Лев, – но вам завидую. Вы так аппетитно рассказываете и предвкушаете.

– А вам что мешает провести так время? – удивленно посмотрела на него Регина. – Дела? Деловая командировка? Чем вы занимаетесь, Лев Иванович?

– Я занимаюсь скучными делами, – притворно вздохнул Гуров. – Меня ждет ворох документации, кондиционированный воздух, много горячего кофе, чтобы не уснуть, и в лучшем случае прекрасный вид из окна. Который будет меня расстраивать, поэтому смотреть я в него буду редко.

– Вы какой-нибудь проверяющий?

– Вот именно, – кивнул Лев. – Аудитор с широкими полномочиями. И с ограниченными временными ресурсами.

Они еще немного поговорили на эту тему, и он, к своему большому удивлению, обнаружил, что Регина представления не имеет о том, кто такой аудитор, и решил сменить тему разговора на более пространную, заговорив о том, как изменилась его жизнь, когда профессиональный рост позволил летать в бизнес-классе.

– Я познакомился с большим количеством интересных людей. И знаменитыми музыкантами, и политиками, и актерами. Вы не поверите, но я знаком даже с Радиславом Гандапасом.

– Да? – мило улыбнулась Регина и тут же поинтересовалась: – А кто это?

Да, мысленно покачал головой Гуров, эта дамочка точно не бизнесмен. Не зная самого знаменитого бизнес-тренера в стране? Скорее всего, она точно или жена, или любовница состоятельного человека и о ведении бизнеса знает только понаслышке. Женщина из общества, но сама в этом обществе ничего из себя серьезного не представляет. Интерес к беседе начал постепенно улечиваться. Но и время полета уже заканчивалось. Впереди ждали весьма напряженные будни, жара, много документов, допросов. И много размышлений.

Глава 2

Секретарша вежливо открыла дверь, пропуская Гурова в кабинет. Заместитель директора Кравчук тяжело и как-то уныло поднялся из-за стола и сделал несколько шагов навстречу, протягивая руку.

– Проходите, прошу вас, – показал он на приставной стол и кресло.

Сам уселся напротив, сложив перед собой большие руки. Гуров посмотрел на руки, на густые непослушные волосы мужчины и подумал, что он, наверное, сам когда-то был шофером, прекрасно знает эту деятельность, поэтому в компании и отвечает за техническую сторону, гараж, исправность и график выездов. Ему и водителей проще понять, если когда-то крутил баранку.

– Благодарю вас, Александр Александрович. – Гуров сел и, расстегнув папку, достал бланк. – Разговор коротким и быстрым не будет, я вас по телефону предупредил. Во многом предстоит разобраться.

– Да я не против, товарищ полковник, – озабоченно потер руки Кравчук. – Я же только «за». Меня беспокоит только одно. Чтобы расследование было объективным, а не поспешным. Знаете, ведь как бывает. Только без обид и без личностей. Приезжают, а в голове уже все сложилось, уже виновных назначили, а сами еще и вопроса не задали. Простите уж, я вас, конечно, не имел в виду.

– Во-первых, зовите меня Львом Ивановичем, – предложил Гуров. – А во-вторых, мы с вами нежничать не будем. У вас человек погиб, подчиненный, тут уж не до нежностей. Я буду задавать вопросы, а вам придется отвечать на них. Если вам что-то не понравится, возражайте, но только аргументированно. Можете даже жаловаться, если это будет не во вред нашему делу.

– Да, – нахмурился Кравчук, – Пашка, Пашка... Как его угораздило?

– Ну, вопрос, можно сказать, риторический. Давайте-ка лучше пока ограничимся другим кругом вопросов: что за человек был Павел Захарченко, почему он не вернулся в гараж, где ездил двое суток. Тогда, возможно, мы сможем понять, говоря вашими словами, «как его угораздило».

– Спрашиваете, каким был Павел? Хороший парень, – поспешно выпалил Кравчук, но тут же замолчал под взглядом московского полковника.

– Знаете, Александр Александрович, хороший парень— это не профессия, не панацея от несчастного случая и не индульгенция на будущие грехи. Это просто означает, что когда-то, с кем-то и при каких-то обстоятельствах этот человек повел себя в соответствии с представлениями того или иного человека, окрестившего его хорошим парнем. Заумно? – засмеялся Гуров. – Я просто хотел вам показать, что все это – лишь субъективные понятия и нет абсолютного добра и абсолютного зла. Все относительно в этом мире. Мне нужна характеристика Захарченко. Вы писали когда-нибудь характеристики на своих сотрудников по запросам со стороны? Вот и попробуйте мне устно описать вашего погибшего водителя.

– Хорошо, – с серьезным видом кивнул Кравчук, – я вас понял. Объективно так объективно. Люди у меня все разные. Как и в любом коллективе. Есть лодыри, есть хитрож... ну, такие, которые норовят поменьше поработать и побольше получить. Есть просто обычные скучные, ничем не выделяющиеся люди, а есть старательные ребята, которые все выполняют, за машиной следят. Нравится им именно работа водителя, вот в чем дело. И Захарченко был из таких. Любил он свою работу, технику любил. И она его, как у нас говорят. Можете посчитать это шоферскими байками, но если машина своего водителя невзлюбит, то работать она ему не даст. Поэтому водители и не любят пересаживаться в чужую машину, даже временно. Может не принять, намаешься только.

– Но машина-то у Захарченко была своя, он не подменял никого? – попытался уточнить Лев.

– Пашка ездил на закрепленной за ним машине. Ею она была. И проблем никогда не было. Следил, как положено, ухаживал. И она его, на моей памяти, ни разу серьезно не подводила. А по мелочи техника всегда, бывает, барахлит.

– Подкальмить, «левый» рейс сделать за счет предприятия? С этим у него как было? Я прошу вас отвечать честно. Важно знать, во что мог впутаться Захарченко, что могло привести к аварии. Мы же можем с вами сейчас точно сказать, что произошло там, на трассе.

– Я скажу так. – Кравчук помолчал немного, подбирая слова, потом продолжил: – Не злоупотреблял моим доверием Захарченко. Не нагнул. А если что и было, так это бывает на любой работе и при любой профессии. Токарь на рабочем месте может по заказу для своего знакомого красивый нож сварганить. Повар в столовой может выкроить лишнюю порцию для своего приехавшего в гости из другого города родственника. Да что греха таить, и в полиции кто-то может помочь хорошему другу или родственнику, чуть на шаг отойдя в сторону от инструкции, заведенного порядка, и тому подобное. Скажете, нет?

– Согласен, бывает, – кивнул Гуров. – Значит, Захарченко святым не был. Ладно, пойдем дальше. Вам известно о родственниках, знакомых Захарченко, которые имели судимости? Когда-нибудь Захарченко связывался с криминалом?

– Вот этого нет! – мгновенно отреагировал Кравчук, причем, как заметил Лев, даже с каким-то облегчением. – Обычный парень, а с этими делами никогда не связывался.

– Хорошо, теперь изложите мне ваше понимание ситуации и всего произошедшего с ним. Итак, вы его отправили на заказ в местный суд перевозить мебель и другое имущество с одного адреса в городе на другой. Дальше!

– Да, так и было. Они заказали нам три машины на время с девяти утра до четырех вечера. Перевозить было не столько много груза, как много было с ним канители. Столы и шкафы разбирать нельзя, поэтому их укладывали прямо в контейнеры, да так, чтобы не повредить, не поцарапать. Навалом, как картошку, не повезешь. Потом еще оборудование зала судебного заседания. Стойки всякие, большие столы судей. Так что машины большей частью простаивали, пока грузчики все в них устанавливали и укладывали. На новом месте, по новому адресу – обратно все то же самое. А заказчику хотелось все перевезти за один день.

– Это я понял, – поторопил Гуров. – Что дальше?

– А дальше, где-то без десяти четыре, когда, по идее, машины уже закончили работу, позвонил из суда их хозяйственник, Моксин его фамилия. Мы с ним общались, он все организовывал и представлял заказчика. Ну, и попросил он еще одну ходку сделать на свободной машине. Что-то там они не успели или забыли отправить. Очень просил. Ну, я согласился и дал указание Захарченко. Все-таки солидный заказчик.

– Вот так просто по телефону, без всяких дополнительных соглашений? Или в вашем деле это мелкий момент, не стоящий споров и разногласий с заказчиком?

– Бизнес имеет свои правила, – пожал плечами Кравчук. – Часто важнее бумаг договоренности, личные знакомства, доверие и репутация. Я знаю начальника АХО сочинского суда много лет. Был с ним знаком и до того, как он стал работать там. Моксин всегда занимался хозяйственными делами во многих структурах. Я привык верить ему. И если что-то пошло не так, то это серьезно, и я просто помог ему, по телефонному звонку, знал, что не подведет. И я его не хотел подводить, чтобы в следующий раз он снова обратился ко мне, а не в другую компанию. Это называется – доверие, а его теряют только раз. Подвел один раз, не пошел навстречу, и в следующий раз тебе могут уже не позвонить, найдут другого партнера. А «сарфанное радио» оно что в Москве, что в Краснодарском крае работает быстро.

– Так что же произошло, куда делся Захарченко?

– Не знаю, – покачал головой Кравчук. – Я сам голову сломал, что только не думал. Утром мне сообщили, что его «КамАЗ» не вернулся в гараж. Ну, я не стал паниковать, вернется, объяснится. А потом закрутился и только к вечеру вспомнил. Позвонил в гараж, а мне отвечают, что не прибыл. Ему и на мобильник звонили, а он недоступен. Тогда я попросил ребят съездить к нему домой, только как-то помягче там с родителями. Мол, случайно рядом были, заехали узнать, не вернулся ли он из рейса. А дома, честно говоря, уже паника. Ребята, наши водители, тогда по собственной инициативе объехали его друзей, девчонку. Никто ничего не знает. И я решил, если за ночь не прояснится, утром писать заявление в полицию. А утром вот такое дело... нашли его машину в ущелье...

К начальнику АХО суда Гуров намеревался приехать сам. В своем кабинете, на своей территории люди обычно разговаривают откровеннее, ведут себя свободнее. Но здесь случай был другой, да еще характеристику на Моксина сыщик получил своеобразную: ушлый, пронырливый, не упустит своей выгоды, лис, на котором пробу ставить негде. Нет, решил Гуров, играть будем на моем поле.

Сухощавый, в летнем тонком костюме и сандалиях, Моксин выглядел потным и растрепанным. Хотя и одежда у него была опрятная, и волосы с легкой проседью были расчесаны, но что-то в этом человеке выдавало если не панику, то большую суету прошедших дней, которая вымотала его до предела. А ведь он боится, догадался Лев. Интересно, чего может бояться такой человек? Чего-то знает? Эти знания для него опасны? Он это чувствует или ему конкретно угрожали?

– Садитесь, Алексей Владимирович! – сделал Лев жест в сторону стула напротив своего стола. – Полковник Гуров, Лев Иванович. Оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД России.

Он специально «подлил масла в огонь», представившись и так полно назвав свою должность. Моксин как-то сразу весь внутренне подобрался, лицо его стало напряженным, а на верхней губе выступила испарина.

– Да, я слушаю вас, – хриплым голосом отозвался он и прокашлялся в кулак.

– При каких обстоятельствах вы два дня назад при переезде части суда в другое помещение задержали автомашину автопредприятия? Почему она осталась и должна была совершить еще один рейс, в то время как две другие машины, отработав положенное время по договору, ушли в гараж?

– Это обычное дело при переезде, – быстро и уверенно заговорил Моксин. – Знаете ведь поговорку, что три переезда равносильны одному пожару. Всегда какие-то сбои и потери. Просто забыли два сейфа с архивными документами отправить в предыдущий рейс. Я и уговорил автохозяйство пойти навстречу и оставить одну машину для последнего рейса.

– А как вы умудрились забыть сейфы? Я бы не удивился, скажи вы о стульях, старых столах или стремянке. Но два сейфа с архивом!

– Да, неприятный момент, но случается. В конце концов, мы же отправили их в тот же день.

– И они прибыли на новый адрес, по которому вы перевозили имущество? – Гуров внимательно посмотрел в лицо хозяйственнику.

– Нет, – после странной паузы ответил Моксин. – Они не прибыли. Машина свалилась в пропасть. Вы же знаете, наверное? По этому же вопросу меня вызвали?

– Да, по этому. Скажите, кто принимал решение об очередности погрузки имущества, у вас имелся определенный план?

– Решение принимал я, но исполнение...

– Что «исполнение»? – насторожился Лев, уловив заминку в словах Моксина.

– Про сейфы забыл мой помощник. Я ему поручал загрузку и очередность. Но он каким-то образом умудрился забыть. Я случайно увидел сейфы. Точнее, привычка самому все проверять и перепроверять. Обошел помещения и увидел их в коридоре.

– Вы имеете в виду Игоря Валовика?

– Да, – с какой-то агрессивностью ответил Моксин.

– Вы нашли его? Он появился на работе?

– Нет. – Хозяйственник сразу сник и даже опустил голову. – Валовик как уехал с последней машиной, так больше и не возвращался в суд. Я его не видел два дня, он не отвечал на звонки. Потом, когда в пропасти нашли машину, я решил, что он там... вместе с водителем. А оказалось, что Игоря в машине не было. Я даже не знаю, что и предположить.

– Его пробовали искать?

– Ну, как вам сказать... Сначала я решил, что это просто прогул, что Игорь позвонит, сообщит причину невыхода на работу. Но потом день прошел, а на второй я уже предпринял попытки его разыскать, послал к нему домой сотрудника.

– У Валовика есть семья, близкие друзья, родственники?

– Семьи нет, он не женат. Переехал сюда из Ставрополя четыре года назад. Работал то там, то там, потом к нам попал. Парень в общем-то исполнительный, хотя современная молодежь, она какая-то инфантильная, нет того отношения к своим обязанностям, которое заложено в нашем поколении.

– Где вы его еще искали?

– Да... больше нигде, – пожал плечами Моксин, явно чувствовавший себя не в своей тарелке. – Думал, появится, и я его взгрею.

– Взгреете, – повторил Лев. – Сначала его нужно найти. Что было в тех сейфах?

– Я же сказал вам, архивные дела, – начал было Моксин, но Лев неприязненно перебил его.

– Я спрашиваю вас конкретно, что было в сейфах, какие там были дела? Вы можете предоставить мне перечень судебных дел, которые хранились в пропавших сейфах?

Теперь Моксин окончательно сник. До этого как-то прямо не звучало – пропавшие дела. А теперь московский полковник произнес эти слова. Произнес как приговор. Пропажа архивных дел суда – это не шутка. Значит, вот почему начались разбирательства на таком высоком уровне, аж из МВД приехал человек, а не из краевого управления внутренних дел.

– Через два часа я жду от вас полный перечень дел, пропавших вместе с теми сейфами! – отрезал Гуров. – И не тяните. Запрос из Москвы уже ждет вас в офисе. По всей форме.

Отправив Моксина выполнять задание, он созвонился с местным подразделением МЧС. Ничего нового ему не сообщили. Тело водителя поднято наверх и отправлено в морг на вскрытие. Сверены номерные знаки, номер двигателя, рамы, кузова «КамАЗа», и все совпадает с данными гаража. Фургон вскрывать не стали, потому что пришел запрет из Москвы. Машина находится под охраной полиции.

Гуров попытался понять, как можно охранять валявшуюся в пропасти машину. Вероятно, следить за тем, чтобы никто туда не спускался и ничего не трогал. Назвать это охраной было сложно. На его вопрос, смогут ли завтра утром прибыть сотрудники МЧС для организации спуска и осмотра машины, ответили утвердительно. В восемь утра Гурова должна была ждать группа под руководством старшего лейтенанта Павлова.

Удовлетворившись этим, Лев стал просматривать список архивных дел, одновременно через Интернет знакомясь с обстоятельствами того или иного дела. В основном они относились к общей юрисдикции, арбитражных дел там не было. Учитывая опыт обращения с Интернетом и знание вопроса, ему удалось найти и приговоры по указанным делам. До двух часов ночи в ведомственной гостинице УВД он соотносил номера дел с приговорами, пытаясь понять их сложность и важность. Большая часть – мелкие уголовные дела, связанные с хищениями лич-

ного имущества, имущества организаций и предприятий, некоторые – со злым хулиганством, нанесением тяжких телесных повреждений, а еще два – с убийством.

Все это было обычным набором, но Гурова насторожило, что все архивные дела относились к 2013 году, то есть к предолимпийскому. Как он и ожидал, в списке нашлись и уголовные дела по хищениям, нецелевому использованию средств, нарушениям и коррупции при строительстве олимпийских объектов в Сочи. Он нашел несколько известных фамилий, вспомнил резонансные дела. Но были в этих двух пропавших сейфах и более мелкие, по которым виновные были осуждены на незначительные сроки, осуждены условно или назначено наказание, связанное с отбыванием срока в колонии-поселении. Были и оправдательные приговоры.

«А ведь прав оказался Орлов, – подумал Лев, потягиваясь за столом. – Ай да Петр, сообразил, что не случайно все это могло произойти. И свой человек должен был найтись у преступников, замысливших замести следы. Вполне можно было этого Валовика подкупить. Теперь не восстановить многого, так что, как говорится, и концы в воду. Да, ловко придумано! Но... – осадил он себя, – выводы делать все же рановато. Завтра будем спускаться в ущелье, тогда и продвинемся еще на шаг в этом деле. Получим еще несколько ответов на важные вопросы. По крайней мере, я на это очень надеюсь».

Олег Павлов оказался невысоким общительным светловолосым парнем. Полевая форма с эмблемами МЧС сидела на его фигуре ладно и даже с некоторым шиком. Подкупало даже то, что старший лейтенант поздоровался с полковником из полиции без всякого подобострастия, а просто с деловым уважением. Гуров как-то сразу понял, что парень любит свою работу, что он толковый специалист.

– Все-таки вы рано приехали, товарищ полковник, – сразу же сказал Павлов, пожимая Гурову руку. – Пока мы все выгрузим, пока натянем ниточку вниз. Нам несколько опор по пути поставить нужно, потому что оборудование тяжелое. Фургон, да еще в таком смятом состоянии, консервным ножом не разрежешь. И осторожность нужна. Вы ведь не знаете, что там внутри? И я не знаю.

– Послушайте, – взял Лев старшего лейтенанта за плечо и подвел к обрыву. – Вас как зовут?

– Вообще-то Олег, – ответил Павлов, предвидя, что полковник начнет его торопить, давить на него, ссылаясь на обстоятельства.

– Вот что, Олег, – продолжил Гуров, задумчиво глядя вниз. – Давай ты меня будешь звать не по званию, а просто Лев Иванович. Так удобнее для работы. А во-вторых, я просто хотел познакомиться и понять здесь, на месте, что нам предстоит.

– Предстоит большой геморрой, – усмехнулся Павлов. – Я уже спускался туда, знаю.

– Я сейчас отъеду, кое-кого еще допрошу. Но сначала ты мне скажи как спец, сколько времени займет подготовка и сам спуск?

– Налегке в первый раз мы спустились туда вдвоем за два часа. Потом еще час спускали ручной инструмент. И часа четыре тело поднимали. Так что, Лев Иванович, если вы сегодня столик вечером на набережной в ресторане заказали, то не советую.

– Ну, на столик я еще не наработал. Я просто хотел понять, сколько все это займет времени, учитывая, что придется еще образцы собирать для экспертизы.

– Только не говорите, что вы привезете эксперта-криминалиста женщину! – усмехнулся спасатель.

– Нет, спускаться с вами буду я сам. И образцы собирать буду сам. И вам помогу, чтобы лишних людей не занимать. Я вот к чему клоню, Олег. Дело долгое и трудоемкое, спешка будет только вредна. Если что-то не успеем или забудем сделать, то лишний раз туда лезть сложно. Я предлагаю вот что! Спустимся сегодня, когда вы наладите лебедку и все необходимое. Там

поработаем дотемна и там же переночуем. Есть у вас что-то для ночевки в непредвиденных условиях?

– Хорошая мысль, – с каким-то облегчением ответил Павлов. – Я уж думал, что вы кабинетный работник, а вы – молодец! Давайте так, через два часа возвращайтесь, я подготовлю снаряжение для вас, комбинезон, обувь. Запрошу у дежурного все необходимое для ночевки троих человек и сухой паек. Сегодня работаем, а завтра с утра уже со свежими силами будем поднимать все, что нужно.

– Спасибо за похвалу, – засмеялся Лев, похлопав старшего лейтенанта по плечу. – Вернусь через пару часов.

За два часа он успел проехать по Шаумянскому перевалу, осмотрев другие опасные, на его взгляд, участки. То место, где в пропасть упал «КамАЗ» Захарченко, не было самым сложным и опасным. Два экипажа, патрулировавших район в ту злосчастную ночь, не отмечали ничего особенного. Не было сведений о лихачах на дороге или пьяных, неадекватных водителях, из-за которых могла произойти трагедия. Все было в пределах нормы, за исключением того, что под утро «КамАЗ» свалился в пропасть, да еще в таком месте, где много десятков лет не случалось ничего такого.

Павлов ждал Гурова, уже переодевшись в комбинезон. На краю обрыва были сложены мотки веревок, какие-то кронштейны, опоры, инструмент и оборудование для резки металла.

– Всем этим нам предстоит там работать? – спросил Гуров, кивнув на оборудование.

– Все это нам предстоит туда спускаться, – без улыбки ответил старший лейтенант. – Комплект механизированного инструмента с гидроприводом «БАРС» весит 35 килограммов, а еще гидравлические ножницы – девять с половиной килограммов. У вас как со здоровьем? Лучше сразу скажите, чтобы знать, на какую вашу помощь мы можем рассчитывать. Спуск каждого лишнего человека – это большая потеря времени и ресурсов. А завтра, по прогнозам, ущелье накроет грозовой фронт.

– Моя работа требует пребывания в хорошей физической форме, – улыбнулся Лев. – Для меня комбинезончик найдется?

– Пойдемте. В машине переоденетесь.

Спускаться пришлось спиной вперед. Но под ногами была не ровная поверхность отвесной скалы на скалодроме, а вырванные корни небольших деревьев, рыхлая земля и камни, колючий густой кустарник, поваленные расщепленные стволы. Гуров падал на бок через каждые пять шагов, у него болела шея из-за того, что все время приходилось ее выворачивать, чтобы видеть, что у тебя за спиной. Разбил колено, сильно ударился локтем о камень. Повиснув в страховочной обвязке на веревках, он отдыхал, потряхивая руками, дрожь в которых уже не проходила, и с завистью смотрел, как ловко спускаются по этому постапокалиптическому ландшафту Павлов и его помощник Боря Гробовой.

– Не торопитесь, Лев Иванович! – крикнул Павлов. – Ноги пошире и чуть согните в коленях.

– А то я не знаю, – проворчал себе под нос Лев и оценивающе посмотрел через плечо вниз.

Нижняя часть склона была не такая крутая, но зато больше захлавленная обломками деревьев, осыпавшимся щебнем и крупными камнями. Гробовой был уже внизу. Он отвязывался от страховочного фала и вытягивал второй фал, который предстояло натянуть на противоположном склоне. По нему сверху двое спасателей начнут спуск оборудования. Олег внимательно следил за спуском полковника. Кажется, в его взгляде уже сквозило сожаление, что он взял с собой в этот спуск слабо подготовленного человека.

– Все нормально! – помахал ему рукой Лев с жизнерадостной улыбкой. – Спускаюсь!

Когда спуск закончился, самому освободиться от страховки Гурову не удалось. Павлов помог снять «сбрую», усадил его отдыхать, а сам направился к Гробовому натягивать грузо-

вой фал. Было ощущение, что спасатели нисколько не устали, что для них такие упражнения – обычное дело, которое делается почти автоматически. Что-то весело говорил Павлов, ему вторил густой бас Бори Грбового.

Лев сидел, прижавшись спиной к стволу небольшого дерева, и смотрел на искореженный «КамАЗ». Кабина сплюснута, крыша срезана. Видимо, спасатели сделали это, когда извлекали тело водителя. Металлический фургон фуры был смят по диагонали, особенно пострадала задняя часть. Почему так получилось, непонятно, видимо, какое-то время машина валилась по склону задней частью вниз.

Придется повозиться, подумал он, глядя на сплюснутый фургон. Видел много раз, как работают спасатели, как они вскрывают машины, как достают людей из обломков. Павлов справится и здесь, но будет это нелегко. Во-первых, нельзя просто ломать, пилить и резать газовым резаком. Ведь неизвестно, что там внутри. Точнее, известно, что там должны быть сейфы с архивом, а их повредить нельзя. Ничего, время есть. Ребята опытные, сделают все быстро. Сейчас спустят оборудование, и займемся.

– Лев Иванович, проблема! – крикнул откуда-то сверху Павлов.

Гуров поднял голову, потом поднялся на ноги. Переломленный пополам пятиметровый ствол сосны съехал и задел грузовой фал, по которому перемещался груз.

– А, черт! Нам его не сдвинуть! – Он с досады стукнул себя кулаком по бедру и сморщился от боли, так как попал по недавнему ушибу, который заработал при спуске. – Что можно сделать, Олег?

– Расчищать придется, – ответил старший лейтенант и повернул голову к Грбовому: – Боря, возьми веревку,крепи справа на оттяжку. Я сейчас бензопилой буду срезать толстые ветви, и мы уроним дерево в твою сторону и освободим лебедку.

– Опасно, командир! – прогудел в ответ спасатель. – Чуть ворохнет ствол – и придавит в один момент.

– Ты не понял, Боря, я буду резать ветви со стороны лебедки, буду освобождать траекторию спуска, а ты зафиксируй дерево по горизонтали, чтобы направление силы было вдоль склона.

– Ладно, понял, – кивнул Грбовой и, накинув на плечо моток веревки, полез по склону вверх.

«Вот что значит опыт, – подумал Гуров. – Павлов сразу увидел решение проблемы с точки зрения физики и интуитивно определил точки приложения сил, прикинул степень противодействия и участие гравитации. Да, в их деле опыт – самое главное». Крикнув Павлову, что пока займется образцами в кабине, он пошел к своей сумке с криминалистическим набором, но старший лейтенант вдруг запротестовал:

– Нельзя, Лев Иванович! Инструкция! Одному работать нельзя.

– Да куда она денется? Машина же плотно лежит на дне ущелья. Думаешь, она поползет дальше или снова начнет переворачиваться? Так здесь ведь уже не склон.

– Не в этом дело, Лев Иванович, – терпеливо повторил Павлов. – Понимаете, инструкции для того и пишутся, чтобы их соблюдали. В нашем деле инструкция – первый закон. Не надо думать, решать, рассчитывать или сомневаться. По инструкции так, значит, и делать надо так. По инструкции нельзя, значит, нельзя. И не важно, почему нельзя. Поскользнетесь, оступитесь, провалитесь через проломленный или гнилой металл, получите травму, а вытащить вас даже с небольшой травмой будет не просто, помощь вовремя не доберется. Всякое может быть. Так что лучше не рисковать. Сказано, что работать вдвоем, значит, так и следует поступать.

– Ладно, ладно, – примирительно поднял руки Лев. – Пришел в чужой монастырь со своим уставом. Принимаю! Буду делать по-вашему.

Спасатели провозились с упавшим деревом около часа, прежде чем оборудование удалось спустить на дно ущелья. Гробовой начал готовиться к вскрытию фургона фуры, а Гуров и Павлов стали обходить лежащую на боку машину.

– Олег, ты человек технический, – позвал Лев старшего лейтенанта. – Глянь своим наметанным глазом. Ты видишь неисправности?

– Ну, так-то сложно сразу сказать, – пожал плечами спасатель. – Вон, во время падения, когда машина кувыркалась с боку на бок, ей и кабину почти оторвало, и фургон смяло. Вы ведь сейчас заговорили о том, что причиной падения стала неисправность машины? Завтра должны приехать специалисты, чтобы провести детальную экспертизу именно этого вопроса.

– Я знаю, – кивнул Лев. – На этом настояло мое руководство в Москве. Дело не в том, что именно сломалось и что послужило причиной трагедии: то ли порвавшийся тормозной шланг, то ли прокол колеса, то ли лопнувшая рулевая тяга. Вопрос стоит по-другому: машина сама упала в пропасть по причине неожиданной поломки или ей помогли туда упасть? Скажу прямо, не специально ли ее туда столкнули, с уже мертвым или оглушенным водителем в кабине?

– Тоже вариант, – согласился Павлов. – Вам виднее, раз вы специально из-за этого случая прилетели сюда. Наверное, есть основания так думать. А сейчас что можно сказать навскидку? Если бы мы легковушку осматривали, то могли бы увидеть потеки тормозной жидкости, оборванный тормозной шланг. А у «КамАЗа» тормозная система пневматическая, здесь сжатый воздух. Причем довольно сложная: главный тормоз, резервный, остановочный, вспомогательный тормоз. Чтобы что-то отлетело, я не вижу, хотя для падения давления достаточно отверстия, незаметного на первый взгляд. Нет, так мы с вами не определим, и голову ломать нечего. А какие образцы вы хотите взять?

– Кровь. Хотелось бы узнать, в кабине кровь одного человека или нет. Ведь в машине ехал еще и сопровождающий, в кабине изначально было двое. Но второй пропал, его не могут найти два дня. Потом, мне хотелось бы обследовать руль, приборную доску, потолок кабины. Я не знаю, что там найдут во время вскрытия, но связать результаты вскрытия с анализом проб из кабины нужно попытаться. Например, следы какого-то вещества в крови, на слизистой оболочке и на руле. Вещества, которое способно заставить человека потерять сознание или вообще приводит к полной остановке сердца. Может быть, водителя отравили, может, ему сделали укол, и в кабине найдется шприц.

– Ясно, – кивнул спасатель. – Значит, вам предстоит облазить всю кабину сантиметр за сантиметром.

– Не только кабину, еще и фургон. Для чего машину угнали? Для чего вообще угоняют машины? Хулиганские побуждения вроде «покататься» я отмечаю сразу. Для нас интересны две версии, Олег. Первая: машину угнали из-за содержимого ее фургона, и тогда он должен быть сейчас пуст. Или, по крайней мере, мы найдем лишь часть документов и вскрытые автогеном сейфы.

– А вторая, – подхватил Павлов, – машину угнали, чтобы использовать ее по своему прямому назначению. Это же грузовик, значит, для того чтобы перевезти что-то громоздкое и тяжелое.

– Молодец! – похвалил Гуров. – В условиях террористической угрозы я даже боюсь предположить, следы чего мы там можем найти.

– А если содержимое все еще там? Везли и не довезли. Что могли перевозить террористы, если предполагать, что это они угнали машину – взрывчатку, химические или отравляющие вещества? Тогда как?

– Типун тебе на язык, – хмуро буркнул Лев, продолжая двигаться вдоль днища машины и осматривать его.

– А что, – продолжил настаивать Павлов. – Я понимаю, что террористы, если это были они, вели бы себя аккуратнo, нежно обращались бы со своим грузом. А вдруг водитель оказался

героем, все понял, а может, от него и не скрывали целей и просто заставили под угрозой оружия вести машину? Может, он умышленно свернул в ущелье, чтобы груз не доехал? Пожертвовал собой!

Гуров остановился и внимательно посмотрел на спасателя. В словах Павлова был определенный смысл. Опыт у него в таких делах приличный, так что задуматься стоило. Правда, террористы водителя не отпустили бы одного со своим грузом, в кабине обязательно сидел бы кто-то еще. Да, должно быть так. По логике. Но какая может быть логика, когда речь, возможно, идет о решениях спонтанных, на грани жизни и смерти. Кто знает, что там произошло? Пока никто! Может, все просто, может, Захарченко просто поехал к знакомой девушке, любился с ней, ночь не спал, а потом уснул за рулем...

Павлов находился рядом, придерживая то чемоданчик с криминалистическими наборами, то поддерживая самого Гурова, когда он, лежа на животе, свесился головой почти до пола кабины. В какой-то момент полуоторванная кабина «КамАЗа» вдруг шевельнулась и со скрипом поползла по мелким камням. Лев не успел опомниться, как сильные руки спасателя удержали его и вытянули наверх. Еще миг, и его голову зажало бы между сиденьем и покореженной дверью.

– Скоро начнет темнеть, – пробасил подошедший Гробовой. – Принимай решение, командир.

– У тебя как? Готово все? – спросил Павлов.

– Да, оборудование готово, можно начинать резать. Но только через полчаса, в самый разгар работы, уже будет ничего не видно.

Старший лейтенант достал из нагрудного кармана рацию и вызвал своего оперативного дежурного. Доложив о проделанной работе, он попросил новые данные о прогнозе погоды. Оказалось, что волна влажного воздуха сместилась севернее и сейчас гроза бушует над Большим хребтом. Дождя и усиления ветра следовало ожидать только во второй половине следующего дня. Возможно, что все ограничится легким дождиком. Павлов доложил о своем решении заночевать в ущелье, а утром продолжить работу по обследованию машины. Если подъедет группа технических экспертов, то он поможет спустить их вниз.

Получив «добро», Павлов убрал рацию и кивнул своему помощнику:

– Накрывай, Боря, оборудование на всякий непредвиденный случай, а мы с Львом Ивановичем будем ставить палатку и займемся ужином. Ночуем здесь, утром заканчиваем с фургоном и, возможно, принимаем новых специалистов. Лев Иванович, вы костер умеете разводить?

– Обижаетесь, – усмехнулся Гуров и потер руки в предвкушении ужина. – Я по части костров ас.

Ничего особенно сложного в устройстве лагеря не было. Палатка на пружинном каркасе разложилась сама. Три пластиковых надувных матраца, на которых не страшны были устилавшие днище ущелья камни, пуховые спальники, весившие не больше мужского пиджака. Все это можно легко превратить в спальные места за несколько минут. Сухих веток было хоть отбавляй. Гуров мастерски сложил костер и зажег его с одной спички. Правда, спички специальной, которая не гаснет на ветру. Быстро разогрелись походные пайки с мясной кашей, над костром зашумел чайник.

По большому счету в костре необходимости не было. Фольгированная подложка наборов с кашей разогрелась на газовой горелке и долго не остывала. Три кружки чая тоже можно было сделать в два счета. Но каждый, кто ночевал в походных условиях, знает, что без костра не будет того уюта, который требуется человеку. Ничто так не способствует отдыху и физическому, и эмоциональному, как посиделки перед сном у костра. Молчаливый Боря Гробовой то отходил, чтобы еще набрать веток, то снова усаживался с кружкой, подливая в нее чаю. Разговаривали в основном Гуров и Павлов.

– Я, Лев Иванович, в этих местах родился и вырос. Многие мои одноклассники мечтали моряками стать. А я вот в Академию гражданской защиты пошел. У нас ведь часто здесь случаются стихийные бедствия. Побережье, различные свойства воздушных масс. То Крымск, то Кубань. Наверное, с детства нагляделся, вот и потянуло выбрать работу, связанную с помощью людям. Так вот, без высших материй.

– Разве это не высшие материи, Олег? – усмехнулся Гуров. – Самые что ни на есть высшие, когда речь идет о служении людям по велению души, а не за большие зарплаты или потому что модно, престижно. Не все это могут понять. А скажи мне, местный житель, куда можно по этой дороге уехать? Я не в том смысле, что не знаю, куда она ведет. Я на карту смотрел, представляю. Мне интересно, в каком случае местные жители пользуются этой трассой?

– Как раз больше всего по ней местные и ездят, те, кто о ней знает. Курортники, кто из других регионов на море едут в отпуск, чаще боятся, что здесь дорога плохая. В Интернете много можно отзывов почитать, что она непригодная и опасная. Хотя есть и другие отзывы, что дорога спокойная, укатанная, дает возможность много времени сэкономить, если не ехать через Краснодар и Новороссийск.

– Захарченко был местным, – задумчиво проговорил Лев. – Он эту дорогу должен был знать. Мне в ГИБДД сказали, что именно на этом участке они уже и забыли, когда подобное случалось. Удивительно, что слетел местный опытный водитель. Вот что настораживает.

– А если не по своей воле, если ваши версии с террористами или угонщиками, кто его под угрозой оружия заставил ехать, верны?

– Получается, что они тоже эти места хорошо знают. Ведь нам ни за что теперь не определить направление, по которому мог ехать Захарченко дальше. Или откуда он сюда вернулся. Он мог ехать в любом направлении.

– Или они местные, – предположил Павлов, – или у них наводчик местный. Проводник.

– Соображаешь, – улыбнулся Гуров. – Правильно мыслишь. Или кто-то из группы местный, или у них помощник из местных. Кстати, чаще всего так и бывает. Когда что-то криминальное замышляется приезжими преступниками и происходит в чужом регионе, то обязательно есть местный советчик. Это обычная схема.

Утро наступило где-то вверху, где заблестели вершины гор, запели птицы. А на дне ущелья еще стояли сырые утренние сумерки. Гуров расстегнул молнию, откинул по пояс верхнюю часть спального мешка, с наслаждением потянулся и втянул носом свежий, напитанный запахами зелени воздух. Все-таки на природе спать приятнее, после сна на чистом воздухе и в голове становится как-то светло и чисто, и дышать хочется полной грудью. И энергии в организме как будто прибавилось за ночь, и хочется работать, расходовать эту энергию.

В палатке он был один. А голоса снаружи свидетельствовали, что спасатели уже поднялись с самым рассветом и возились у костра. Вот и дымком запахло. Отбросив спальник, Лев выбрался из палатки.

– О, доброе утро, – улыбнувшись, сказал Павлов, устанавливая над небольшим костерком металлический котелок с водой. – Боря, полей Льву Ивановичу, а я сейчас кофе разолью. Вы как, Лев Иванович, относитесь с утра к чашечке кофе?

– Доброе утро, ребята, – обуваясь, отозвался сыщик. – Очень положительно отношусь. Еще бы с корицей да со сливками, вообще бы цены не было этому кофе.

– Вот чего нет, того нет, – развел руками Павлов. – Зато есть чистая родниковая вода, походный завтрак и несколько часов грязной и тяжелой работы.

– Оптимист ты, Олег! – хмыкнул Гуров. – Умеешь найти в любой ситуации самые приятные моменты. Забыл еще напомнить про предстоящий подъем наверх. У меня после вчерашнего спуска до сих пор ноги трясутся.

Спасатели, как выяснилось, еще вчера определили порядок и технологию вскрытия фургона «КамАЗа». Опять сказался опыт обоих специалистов. Смятый, сложенный параллелепи-

пед имел вмятины, местами ребра жесткости были изогнуты. Гуров даже не предполагал, как подступиться к процессу вскрытия, зато Павлов сразу начал командовать. Причем, как убедился Лев, Боря Гробовой понимал своего командира с полуслова. Наверняка он и сам предполагал действовать именно так.

Проще всего было бы срезать сзади двери фургона, а потом уже осветить фонарями внутреннее пространство, пробраться, где ползком, где на корточках, вглубь и все осмотреть. Но дело в том, что смятую конструкцию в ее нынешней форме поддерживали в том числе те же самые двери. Если срезать их, фургон сложился бы еще больше. Возможно, не сразу, а именно тогда, когда внутрь заберется человек. Да и удалить двери было бы очень непросто. Даже срезавав петли и замки, их пришлось бы выдирать с применением огромной силы, с помощью тягача или небольшого трактора.

– Боря, смотри, – постучал по кузову длинной сухой веткой Павлов. – Здесь фургон вдавлен сильнее всего, жесткость нарушена больше, чем в других местах. Если между ребрами каркаса резать, то можно листами весь пирог снимать, и будет большой проход.

– Надо крышу оттянуть ручной лебедкой, – предложил Гробовой. – Два троса за эти проушины на один блок и вон за тот дуб на склоне.

– Думаешь, выдержит? – щурясь, разглядывал дерево старший лейтенант.

– Выдержит. Нам же не поднимать крышу надо, а просто вывесить ее в этом положении.

– Хорошо, – согласился Павлов. – Только тогда нужна противодействующая сила. Вот здесь, ближе к кабине, стенку фургона оттянем чуть вбок.

Работа закипела. Спасатели работали слаженно, как они, наверное, действовали всегда. Сколько вскрыто машин, сколько проделано проходов в разрушенные здания, чтобы осмотреть, чтобы извлечь пострадавших и погибших. Через час, после всех подготовительных работ, Гробовой стал резать металл, и, наконец, часть кузова удалось отогнуть, удалив остатки внутренней изоляции и обшивки из фанеры.

Павлов посветил фонариком, заглядывая внутрь и поворачивая голову следом за лучом фонаря вправо и влево.

– Нет тут ни хрена, – изрек он то ли разочарованно, то ли облегченно. – Пусто! Или не было ничего, или уже разгрузили перед тем, как машину сбросить. Или вообще водитель ездил к своей девчонке, из-за которой голову потерял, поэтому и на нарушение трудовой дисциплины пошел. Бросила она его, а он ездил разбираться, уговаривать. Не вариант, а, Лев Иванович?

– Вариант, – отозвался Гуров. – Вариантов тут вообще столько, что хоть список составляй, а то все их в голове не удержишь. И ни одной зацепочки. Давай я полезу туда, Олег, если уже не опасно.

– Валяйте! – пожал плечами Павлов и отошел в сторону. – Я от входа вам вторым фонарем рассеянный свет сделаю, чтобы лучше видеть. А вы еще налобный фонарь возьмите. Мало ли, мелочь какая-то заинтересует.

Сейфы все же оказались на месте. Они находились в передней части фургона и были придавлены смятой боковой стенкой. Гуров тщательно осмотрел каждый сейф. Нет, следов вскрытия он не заметил. Правда, если их открывали хорошими приспособлениями, грамотно изготовленной отмычкой, копией ключей, то на глаз этого не определить. Но и резать металл никто не пытался. Интересно, подумал он, а документация внутри, или они уже пустые? Вот тебе и работенка!

Ладно, решил Гуров, с сейфами разберемся чуть попозже. Надо разбирать весь фургон и как-то поднимать их наверх. Может, по частям, может, просто изымать замки и отправлять их в лабораторию. А вот попытаться понять, что здесь могли перевозить еще, стоит. И документацию поднимать. И тщательно проверять, все ли дела на месте или какая-то часть пропала. Не факт, конечно, что машину угоняли еще с какой-то целью, но раз уж залез сюда, надо отрабатывать все версии.

И Лев начал движение от кабины назад, старательно и неторопливо осматривая стены и пол фургона. Сантиметр за сантиметром. Вот щепка со светлым изломом на краю. Кажется, это от фанеры. Но не факт, что именно от той, которой облицован фургон изнутри. Придется взять с собой и сравнить. Обрывок тряпки – похоже на кусок шерстяного спортивного костюма, но это не часть одежды, это уже давно тряпка, и в масле вся, и пахнет она горюче-смазочными материалами. Ладно, все равно придется взять на экспертизу, из этой она машины или из другой. Может, эксперты что-то определят.

Присев на корточки, Гуров увидел два пятна на полу фургона. Это, видимо, след от отработанного масла, разлил кто-то. Бывает, в фургонах возят всякое, да и канистру или бочку до места утилизации довезти надо, а может, какой-то старый мотор перевозили, вот и натекло. А это старая въевшаяся в фанеру краска. Ну, не очень старая, щепкой царапается. Придется взять для лаборатории образцы.

Вот, кажется, и все, бросил по сторонам последний взгляд Гуров. И тут он заметил на темном металле выступающего ребра каркаса фургона какую-то потертость – чем-то чиркнули по стенке фургона изнутри. Тоже, наверное, когда-то что-то возили, может, мебель, может, какие-то... Он замер и нахмурился. На его пальцах остался след светлого вещества. Это задели по металлу совсем недавно. Чем? Судя по всему, каким-то предметом или чем-то габаритным, но окрашенным, и краска осталась на металле фургона. Наверняка задели чем-то из перевозимой недавно мебели. А если нет? Лев снова опустился на колени, достал новый пакетик и медицинский ланцет. Потом эксперты разберутся, что это такое.

Глава 3

Никакого скрытого неудовольствия Гуров не ощутил, никто не попытался поворчать, что у него и так много работы, почти на два месяца вперед, никто не высказал и не проявил своего недовольствия в иной форме. Его образцы в криминалистической лаборатории приняли вполне спокойно. Вот еще одно преимущество моей должности, подумал Лев. Помнится, когда я был моложе и мы работали со Стасом в МУРе, выслушивать недовольствия приходилось, и довольно часто. А сейчас все проще. Полковник из министерства, кто рискнет отказать или саботировать, даже если и не было звонка из Москвы.

Еще два дня Гуров потратил на то, чтобы пообщаться с водителями автопредприятия, в котором работал Захарченко, с сослуживцами Валовика, с друзьями и родственниками. Все это сделать было необходимо, но пока никакой новой картины в голове у него не рисовалось. Все было непонятно, необычно. Никаких зацепок и целый ворох версий, ни одна из которых не казалась наиболее вероятной. Интуиция спала и ничего не подсказывала. Столько времени прошло, а он еще не сдвинулся с места в своем расследовании. Что докладывать Орлову?

Найдя самое тенистое место, Лев уселся под навесом на открытой веранде кафе. Пока официантка ходила выполнять его заказ, открыл свой планшет и принялся просматривать новостную ленту. Он не искал чего-то конкретного, просто ознакомился с новостями, может быть, удастся найти что-то странное, необъяснимое. Какую-то подсказку. Например, что найдено тело Валовика. Или что некто по фамилии Валовик был задержан при попытке вылететь на самолете турецкой авиакомпании в Стамбул.

Громкий женский смех неподалеку не сразу привлек внимание сыщика, сосредоточенно читавшего новости. Но потом он услышал голос Олега Павлова:

– Регина, вы сумасшедшая! Ну, куда я вас возьму, какая романтика!

Гуров поднял глаза и увидел через два столика от себя Павлова и свою бывшую соседку из самолета. Как тесен этот мир, подумал он. Но не стоит мешать старшему лейтенанту, он человек молодой, неженатый. Лев снова опустил голову, глядя на экран планшета, но голоса доносились вполне отчетливо, и волей-неволей ему приходилось слушать, о чем говорят молодые люди.

Олег шутил, щеголял комплиментами, а его спутница почти постоянно хохотала. Она отвечала тоже шутками, болтала всякую ерунду. И до Гурова вдруг дошло, что Регина сейчас совсем другая. Он в который раз поднял на девушку глаза. Да, это была она, даже платье и хорошо знакомые туфли были теми же, но вот вела себя сейчас Регина совсем не как дама из бизнес-элиты или творческой богемы.

Она снизошла до уровня простых местных парней, которые умеют шутить и могут разочек угостить в кафе дешевыми блюдами и дешевым местным вином? Может, она из категории женщин, которым нравятся «плохие мальчики»? Но Олег Павлов вполне порядочный парень, просто не из того общества. Тогда в чем дело? Интересно, она в самолете комедию ломала или делает это сейчас?

– Ну, Олег! – снова послышался притворно хныкающий голос Регины. – Ну, еще расскажи какую-нибудь страшную историю из своей работы! Ну что у вас бывает?

Ответ Павлова Лев не расслышал. Парочка допила сок и вышла из кафе. Женщина шла, подхватив спасателя под руку, и старательно при ходьбе крутила своей симпатичной аккуратной попкой. Да провались ты, буркнул Гуров и снова окунулся с головой в информацию новостной ленты.

Никаких неопознанных или опознанных трупов за последние двое суток в этом районе найдено не было. Это было ни хорошо, ни плохо. Лев размышлял об этом с того самого момента, когда узнал, что в машине должен был быть второй, и он исчез. Если Валовик жив,

значит, он замешан в этом деле. Жив, получил деньги и теперь пытается скрыться, или ему помогают скрыться в благодарность за услугу. Или не помогают, а убили как важного свидетеля. Все зависит от стоимости преступления, величины наvara преступников. Если Валовик заодно с преступниками и его убили, то тело, скорее всего, никто и никогда не найдет. Эту цепочку к преступникам оборвут надежно. Способов много – море рядом, камень на шею или цемент в тазик, а на дне места много.

Другое дело, если тело найдется, пусть и не сразу. Тогда это будет ясной подсказкой, что использование Валовика – это отвлекающий ход преступников. Почему? Вариантов могло быть много. Включая и такой, при котором Валовик просто оказался не в том месте и не в то время. Кому-то нужна была машина. Водитель нужен, а второй человек из кабины – нет.

А ведь в море его топить не стали бы, решил Гуров. Машину угнали не у самого моря. Везти тело в багажнике или кузове – реальный шанс нарваться на дотошный патруль ГИБДД. Вдобавок его еще нужно погрузить на какое-то суденышко и вывезти в море. Нет, в море тело не повезли бы. Бросить в горах, столкнуть в ущелье? Найдут быстро. В такой жаре тело испортится мгновенно, запах, птицы-падальщики. Нет, тело где-то скрыли, где оно обнаружится не раньше, чем полиция найдет «КамАЗ» в пропасти, а точнее, на недельку позже. Почему? Потому что преступникам нужно успеть завершить начатое, а потом уже все равно, найдут тело или нет, какие версии будут у полиции и по каким направлениям пойдет розыск. И если я прав, подумал Лев, то машина была угнана преступниками для какого-то короткого дела, которое заняло всего два дня. Значит, что-то перевезти? Да, если из кузова не пропала часть судебных дел.

Совещание проводилось в кабинете начальника ГУВД. Кондиционер в кабинете сломался буквально вчера, полетел какой-то блок, и открытое настежь окно не спасало от духоты. Гуров с удовлетворением подумал, что вовремя оставил пистолет в сейфе в своем номере в ведомственной гостинице. Сейчас можно было снять пиджак и подставить разгоряченную грудь под сквознячок, который появился очень вовремя.

Сухощавый капитан из уголовного розыска поднялся по кивку начальника управления и доложил:

– Все дела в двух сейфах, обнаруженных в фургоне «КамАЗа», на месте. Мы сличили с описями. Сами сейфы не вскрывались. На одном повреждена пломбировка, но не настолько, чтобы можно было предположить, что дверь открывалась. Видимо, повреждение получено во время падения в пропасть. Сейчас совместными усилиями местной полиции, МЧС и областного суда принимаются меры к поднятию сейфов и документации наверх.

– То есть вы уверены, что дела не вынимались из сейфов? – уточнил Гуров.

– Полагаю, что нет.

– Полагаете или уверены? – резко переспросил Лев. – Отдавайте себе отчет, товарищ капитан, что от точности вашего ответа и вашей уверенности зависит общее направление розыска. Мы можем зайти совсем не туда, а время выйдет.

– Уверен, товарищ полковник, – уже тверже ответил капитан.

– Ну, это другое дело, – кивнул Гуров. – Что скажут технические эксперты?

Мужчина в больших очках с толстой оправой потер переносицу и переложил на столе несколько страниц. Откашлявшись, он заговорил хриплым низким голосом, периодически бросая взгляды на московского полковника поверх своих массивных очков.

– Причин, по которым машина не удержала дорогу и сорвалась в пропасть, может быть несколько. Мы проанализировали их все. Первая причина – неисправность рулевого управления и рулевых тяг. Обследование показало, что под днищем автомашины все металлические части и детали покрыты смесью известковой пыли и влаги. Эта кашица после весенних дождей превращается в прочную корку. Во время падения «КамАЗ» задел днищем кромку

дороги, а также получал повреждения во время спуска. Массивность и размеры конструкции машины, обилие деревьев и больших камней не давали ей кувыркаться. Она практически все время спускалась на правом боку, то капотом вниз, то задней частью. Благодаря этому нам удалось установить, что повреждения рулевой тяги номер один было получено после падения в пропасть. Повреждение ступицы правого колеса тоже не могло служить причиной аварии. Других значительных повреждений рулевой системы не обнаружено. – Эксперт вопросительно посмотрел на Гурова, потом на начальника управления и, так как вопросов не последовало, продолжил, поправив привычным движением очки на переносице:

– Теперь что касается тормозной системы. Сложная система пневматических поршней, систем подачи сжатого воздуха, клапанов тоже во время падения пострадала мало. Но возник ряд сомнений, касающихся основного тормоза. Мы провели испытания некоторых узлов, сверили с данными завода-изготовителя и данными, полученными из испытательной лаборатории в Набережных Челнах. Нагрузки, при которых могли возникнуть неполадки и появиться зафиксированные нами повреждения, не могли возникнуть во время шоссейной эксплуатации машины. Они были следствием сильного внешнего механического воздействия. Видимо, удар большого камня, когда машина уже летела вниз. В задней части имеются следы свежей древесины, то есть удар был получен живым деревом, когда машина сломала его корпусом. Таким образом, мы пришли к выводу, что тормозная система, рулевое управление машины в момент падения находились в пределах эксплуатационной нормы и не могли быть причиной крушения.

– Спасибо, – кивнул начальник управления. – Не забудьте оставить ваше официальное заключение у секретаря. Вы хотите что-то сказать, Лев Иванович?

– Что тут сказать, – проворчал Гуров. – Я, честно говоря, этого и ожидал. Вся эта история выглядит на всех своих гранях примерно так же. Все в норме, никаких отклонений. Характеристика Захарченко прекрасная, характеристика Валовика прекрасная, машина в нормальном состоянии, сейфы не вскрыты, дела не пропали. Только вот «КамАЗ» неизвестно где пропал вдвое суток да в пропасть умудрился свалиться. У нас труп водителя и без вести пропавший сопровождающий. А так все в пределах эксплуатационной нормы, как нам поведал эксперт. Все хорошо, и мы не знаем, что произошло и почему. Вот как-то так я могу подвести итог нашего сегодняшнего совещания. Может быть, нас хоть судмедэксперты порадуют?

Женщина со светлыми волосами, забранными в узел на затылке, окатила Льва Ивановича холодным негодующим взглядом, и Гурову сделалось неудобно за свой сарказм и распушенные нервы. Уж медики тут совсем ни при чем. Да и никто из экспертов. Это он должен выдавать версии, генерировать идеи. А они отталкиваются от того, что им оставили преступники. Да и вообще, было ли преступление?

– Если позволите, то я начну, – заговорила эксперт. – Вскрытие тела Захарченко показало, что причиной смерти водителя послужила смертельная травма позвоночника в шейной области. Крученный перелом позвонков, с ущемлением нервного ствола и разрыва кровеносных сосудов.

Гуров поднял на нее удивленные глаза. А вот этого он никак не ожидал. Нож в сердце, удар по голове. Хотя в данном случае удобнее всего было убить Захарченко именно ударом по голове. Вполне типичная травма во время падения вместе с машиной в пропасть. Что за ерунда, зачем ломать шею? Нелепость какая-то. Этому приему учат бойцов спецназа, чтобы в боевой обстановке быстро и наверняка убивать противника, когда под рукой нет никакого оружия. Убивать именно в процессе рукопашной схватки. Там что, была рукопашная схватка? Еще не хватало, чтобы всплыли признаки драки. Захарченко с кем-то подрался, его убили, а потом имитировали пропажу машины, падение в пропасть. Нелепость на нелепости. Там же вся кабина была в крови.

– Какие еще повреждения нашлись на теле Захарченко? – спросил он.

– Да, собственно, ничего примечательного. Тем более таких повреждений, которые могли бы иметь признаки смертельных или несовместимых с жизнью. Интересно другое, товарищ полковник. Водитель был мертв уже почти двое суток к моменту падения машины в пропасть. Тело лежало в прохладном месте, а не на жаре, иначе бы разложение было более сильно выражено. Но по состоянию внутренних органов, крови в сосудах, тканей головного мозга мы сделали такое заключение.

Гуров задумчиво смотрел на женщину, потирая по привычке правую бровь. Двое суток. Не на жаре. Тело хранили. Не было открытых ран.

– Попросите позвонить в криминалистический центр по нашим образцам, – сказал он начальнику управления.

– Звонили прямо перед совещанием. Обещали завтра прислать результаты. Сегодня все закончат.

В кабинет начальника уголовного розыска Гуров ворвался, чуть ли не сбив с ног оперативника, который его провожал. Невысокий широкоплечий майор поднялся с кресла, как того требовала субординация. Лев сразу подошел к большой карте района на стене и поманил майора к себе:

– Смотрите, вот здесь в городе здание областного суда, откуда ушла машина. Вот здесь на Шаумянском перевале ее нашли через двое суток в пропасти. Что произошло за это время, мы не знаем. Двое суток, если машина куда-то ездил, – это сутки туда и сутки назад. При средней скорости «КамАЗа» на горных дорогах километров в сорок...

– Я бы сказал, что даже меньше, – вставил майор, поняв, куда клонит московский полковник.

– Пусть будет сорок, – махнул рукой Гуров. – Они могли ехать и не только по горным дорогам. За сутки машина могла уехать черт знает куда. Пусть даже двадцать часов они ехали без остановки. Это ведь расстояние почти в 800 километров. Если брать только территорию России, то это уже Саратов, Воронеж. Понимаете, какой радиус?

– У вас есть какая-то идея, товарищ полковник?

– Есть. Давайте отталкиваться от того, что машину угнали не покатаются и не соляру из ее бака слить. Допустим, машина была нужна, чтобы куда-то доехать либо большой группой людей, и они все спрятались в фургоне, либо нужно было что-то перевезти, что-то габаритное. Вариантов несколько, но сейчас не это важно. Поставьте себя на место преступников. Итак, они захватывают машину неизвестным нам способом. Судя по заключению экспертов, водитель убит сразу, даже до наступления темноты. Почему? Спешили, не хотели терять время на запугивание, переговоры, имитацию подкупа. Просто и радикально. И еще одна причина напрашивается. У преступников было мало времени. Либо они отсюда что-то большое вывезли, либо съездили куда-то и что-то привезли на побережье.

– Второе менее вероятно, – возразил майор. – Им проще было угнать машину в том месте, где нужно было забрать груз.

– Правильно, – обрадовался Гуров. – И машина криминальная ушла из этого района, и груз вывезли. Значит, мы можем предположить, что груз был местный. А зачем вернули машину сюда, а не бросили в том месте, куда прибыл груз?

– Чтобы не «светить» конечный пункт и не дать нам связку «угон машины – другое преступление».

– Отлично, – улыбнулся Лев. – Вот и я так думаю. Значит, груз был важный, никак нельзя нам дать шанс выйти на его след или понять, что это такое. И второе. Тело водителя прятали где-то совсем близко от места угона «КамАЗа». А может, и тело Валовика там же находится. Развозить и прятать трупы по району глупо и опасно. Вот ты мне и скажи, майор, где на выезде из города по Батумскому шоссе можно спрятать труп. Не закопать, не бросить среди камней или деревьев, а спрятать надежно, чтобы через двое суток забрать и поместить в кабину

машины. То есть гарантированно сохранить, к тому же чтобы никто случайно не натолкнулся на него. Ну?

– Теневой переулок, – первым успел сказать все это время молчавший молодой оперативник.

– Точно! – удовлетворенно кивнул начальник угрозыска.

– Ну-ка, рассказывай, Сережа, – попросил Гуров и даже потер руки от предвкушения удачи.

– Тут ведь поселки вокруг, товарищ полковник, – усмехнулся оперативник. – Курортная зона. Особенно ближе к побережью все как на ладони. Там и «КамАЗ» в глаза бросается. Кабриолету легче незаметно проехать, чем «КамАЗу». И Батумского шоссе никому не миновать, если ты едешь на север вдоль моря. А оно перегружено. Сотрудники ДПС эту трассу берегут, и у них глаз наметан. Туда соваться с трупом или даже с двумя в кузове – самоубийство. И есть один хитрый участок – это район Холодной балки. Вот сюда от развязки по трассе А-147 ведет дорога вдоль реки Псахе. Дорога ведет в поселок Заря, но до поселка дорога проходит мимо дамбы. Тут небольшая запруда. Когда-то механизм заслонок был с электроприводом, а сейчас механический, но кое-какое оборудование осталось, правда, разворовали многое. И подстанция стоит пустая, и щитовые тоже. А еще там у самой стенки запруды оставались с советских времен бетонные отстойники рыбохозяйства. Все сгнило, разрушилось. Туда никто и не ходит. Местным не нужно, туристов туда не возят. Но самое интересное, что тут через поселок Клен можно объехать большой участок шоссе. Не надо возвращаться на развязку, а выехать уже дальше по шоссе, за серпантинном. Так что это единственное место, товарищ полковник, где можно поискать.

– Остается один вопрос, – задумчиво произнес начальник уголовного розыска. – Почему им было не спрятать тело ближе к Шаумянскому перевалу, а снова машину гнать почти в Сочи.

– Они просто не были уверены, что удастся все сделать точно, – пояснил Гуров. – Не уверены были, что «КамАЗ» удастся вернуть сюда и удастся замести все следы. Тело пролежало бы еще, прежде чем его обнаружили. Дайте мне пару толковых ребят и машину, мы там все осмотрим.

– Вот, возьмите Сергея Румянцева, – кивнул майор на оперативника и потянулся к телефону. – И Виктора Ткаченко я вам дам. Ребята толковые, а Сергей тот район хорошо знает.

Через десять минут Гуров с молодыми оперативниками ГУВД выехал на дежурной машине. То, что борта микроавтобуса были расписаны словами «Полиция», «Дежурная ГУВД» и «Телефон доверия», сейчас значения не имело. Наоборот, помогало быстрее добраться по загруженным дорогам, если возникнет необходимость включать «маячки». И на месте лишних вопросов не возникнет у начальства или населения. Единственный в полицейской форме был только водитель Сашка Петров. Всю дорогу он веселил оперативников и московского полковника курьезными историями из жизни курортного города, но когда машина миновала поворот на поселок Клен, Сашка замолчал и стал сосредоточенно смотреть на дорогу.

Проезжая часть на Теновом переулке была узкой, и со встречными машинами приходилось разъезжаться аккуратно. Румянцев, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем, тоже замолчал и стал вглядываться в строения впереди.

– Смотрите, там машина! – вдруг произнес он, показывая рукой.

Гуров подался вперед, прижимаясь грудью к спинке переднего сиденья. Машина, какая-то темно-серая иномарка, седан. Стоит возле деревьев в тени. Ага, а возле машины девушка. Вот она приложила руку к глазам козырьком, глядя на полицейский микроавтобус. Кажется, повернула голову и что-то сказала или крикнула. Точно, появился молодой мужчина в черной футболке и сразу сел за руль. Девушка села рядом с ним, и машина круто развернулась.

– Ткаченко, остаешься! – крикнул Гуров. – Догоните машину, любой ценой установите ее номер и людей, которые сейчас здесь были. Сашка, тормози, мы с Румянцевым останемся здесь!

Водитель притормозил, и Лев, не дожидаясь остановки микроавтобуса, выпрыгнул на асфальт. Следом затопали ноги Румянцева. Лев сразу потянул своего молодого помощника за деревья – а вдруг там, у бетонных резервуаров есть еще кто-то? Но с какой быстротой уехали эти двое! Они явно увидели машину и поспешили исчезнуть, хотя не могли рассмотреть, что машина полицейская, – на капоте нет опознавательных знаков, на крыше нет проблесковых «маячков».

– Сережа, – взяв за локоть, остановил оперативника Лев. – Давай разделимся. Я пойду со стороны дороги, за деревьями, а ты двигайся вдоль реки. Постарайся незаметно спуститься к воде.

Сергей ушел, а Гуров, сунув руку под пиджак, проверил пистолет в кобуре, снят ли тот с предохранителя. Люди, которые не задумываясь убивают свидетелей, чтобы скрыть преступление, церемониться не будут даже с полицейскими. Когда они будут спасать свою шкуру, то станут очень опасными.

Через десять минут осторожного движения он оказался, наконец, возле бетонных блоков. Теперь было ясно, что здесь никого нет. Три корыта, абсолютно сухие и позеленевшие от влаги, чахлые кустики по краям, каменистая почва, на которой не осталось следов колес стоявшей тут недавно машины. Несколько столбов уходили в сторону поселка, но электрических проводов на них не было.

– Никого? – подошел к нему Румянцев. – Вот об этом местечке я сразу и подумал, когда вы заговорили о ваших подозрениях. Естественный холодильник. Надо Ткаченко позвонить, узнать, как у них дела, догнали или нет.

– Не надо, – покачал головой Лев. – Вдруг у них погоня или ваш коллега пытается подойти незаметно к тому человеку? А тут звонок. Будет результат, сами позвонят. Ведь так?

– Ну да, – виновато улыбнулся молодой оперативник. – Тогда давайте все здесь осмотрим.

Три отстойника были пусты. Трансформаторная будка маловата для того, чтобы поместить туда тело взрослого человека, да и дверь была открыта, выставляя напоказ остатки электрооборудования. Гуров шел по узкой полосе крошащегося бетона, когда в глаза ему бросился ржавый железный люк, больше похожий на дверь, приваренную к стальным закладным в бетоне. Подойдя вплотную к этому люку, он уловил отчетливый трупный запах. Румянцев тут же подбежал на зов полковника и принялся.

– Ну, вот и сказочке конец, – произнес он. – Это бокс для электромотора. Только его там давно уже нет.

– Сказочке еще не конец, – хмуро отозвался Лев. – Давай открывай!

Сергей спрыгнул вниз на бетон бокса и взялся за железную ручку двери. Та со скрипом поддалась и стала открываться. Снизу сразу пахло запахом разложения. Он сморщился, но все же открыл дверь до конца и посмотрел вниз.

– Труп. Мужчина, на вид 30–40 лет. Одет в серый пиджак и синие потертые джинсы. Полуботинки коричневые, на шнуровке. Лежит лицом вниз, на кистях рук и шее характерные трупные пятна.

– По ориентировке описание совпадает с описанием пропавшего Валовика, – ответил Гуров и полез за телефоном. – Придется вызывать группу.

Оперативно-следственная группа прибыла через двадцать минут. За это время Гуров и Румянцев облазили чуть ли не на коленях все вокруг на расстоянии ста метров от места нахождения трупа. Один отпечаток протектора машины, подходящий для идентификации, они все же нашли. Несколько относительно свежих окурков и два отпечатка подошвы ботинка тоже можно было зафиксировать. Когда местоположение и состояние тела описали и вытащили его

из бокса, Гуров сразу узнал Валовика. Он столько раз за эти двое суток рассматривал его фото, что теперь просто не мог ошибиться, несмотря на то что тело стало распухать и кожа на лице натягивалась.

– Ну что-то вы уже можете сказать? – спросил Лев судмедэксперта.

– Могу предположить, что причиной смерти был перелом шейных позвонков. Хотя при таком состоянии тела можно и ошибиться. Но главное, никаких проникающих ранений. Возможно, смертельный укол или отравление через желудочно-кишечный тракт, возможно, контактный яд. Пока сказать нечего.

– Лев Иванович! – позвал криминалист, выбравшийся из бокса. – Тело Захарченко тоже находилось здесь. Отсюда его забрали и поместили в тот «КамАЗ». Вот, посмотрите, пуговица от его рубашки. Помните, у него на нагрудном кармане рубашки была оторвана пуговица? Вот эта совпадает. Мы сравним остатки ниток на пуговице и на рубашке, где она была пришита.

– Косвенная улика. Пуговица может быть просто похожа, – недовольно вздохнул Гуров. – Хотя, может, вы и правы, откуда там вообще взяться пуговицам. Ладно, приобщайте к делу.

Договорить он не успел, потому что зазвонил в кармане телефон. Номер был знакомый – один из телефонов дежурной части ГУВД.

– Товарищ полковник, это лейтенант Ткаченко. Номер машины срисовали, отдали в ГИБДД, сейчас там наводят справки по ней. Они через Мамайку и Барановку ушли в Сочи. Мы два раза их чуть не догнали. Во второй раз возле Барановского кладбища нам показалось, что водитель девушку высадил. Я выскочил, одну похожую остановил, попросил документы предъявить, а она оказалась следователем краевой прокуратуры. Ошибочка вышла.

– Очень похожая была? – насторожился Гуров.

– Ну, как... Маечка такая... обычная, джинсы стрейчевые, балетки на ногах. Главное, что мне запомнилось, волосы у нее длинные, но они собраны на темени в хвост. И у этой так же.

– Ты фамилию следователя запомнил?

– Так точно.

– Так вот, передай мой приказ оперативному дежурному срочно связаться с краевой прокуратурой и выяснить, есть ли там следователь с такой фамилией, именем и отчеством. И подходящая по возрасту. Понял?

Лев посмотрел на часы. Ну что ж, здесь делать больше нечего. Пусть работают специалисты, а ему пора возвращаться в город в Центр криминалистической экспертизы. Кроме машины, на которой приехала группа, другого транспорта под рукой не было, и он вызвал такси. Черная «Гранта» приехала через десять минут. Сидя рядом с водителем, Лев смотрел через окно на море. Оно то открывалось, то снова вид закрывали прибрежные холмы. Да, думал сыщик, дело начинает открываться с неожиданной стороны. И каждый день добавляет только вопросы, а ответов на них пока нет. Кажется, искупаться и поваляться на пляже мне не грозит.

Завибрировал и коротко пискнул телефон в кармане. Сообщение, мысленно отметил он и достал аппарат. На экране появился текст:

Полковник, не лезь в это дело. Оставь его местным, возвращайся в Москву и ЖИВИ.

Гуров хмуро смотрел на надпись вместо номера абонента, приславшего сообщение. Из нее следовало, что абонент не установлен. Угроза? Неприкрытая! Убить грозятся? Ну, это мы проходили, дурачки, зря вы это написали! Вы ведь мне подсказали, что дело серьезнее, чем мне казалось, и сами себе навредили. А идея пришла в голову тому, кто меня не знает. Гурову такие вещи не предлагают, Гуров вцепится, и никакая смерть не заставит его разжать «клыки».

Так, ладно, «засветились». Теперь давай думать о другом, сказал сам себе Лев. Кто здесь знает номер моего телефона? Сообщение пришло на служебную симкарту. А мой номер знает начальник местного ГУВД, начальник уголовного розыска и оперативный дежурный ГУВД. Ну, теперь еще Ткаченко, который звонил и докладывал о результатах преследования машины. Своих подозревать не хотелось, но иногда и это приходится допускать. Но это в крайнем случае,

и не всегда следует предполагать умышленные действия. Мой номер мог случайно увидеть тот, кто помогает преступникам. Ну, в комнату дежурной части ему не войти, если он только не в погонах.

Стоп! Гуров стиснул телефон и потер им свой лоб. Павлов! Старший лейтенант из МЧС. Они ведь с ним перезванивались. Парень он хороший, скорее всего, и честный. А вот Регина, которая увивалась возле Олега, – это уже повод для серьезного размышления. Что-то подсказывает, что она выдает себя не за ту, кем является. В самолете они могли оказаться рядом случайно. Если она летела сюда по тому же делу, глупо сажать ее возле него. Главное тут – ее поведение с Павловым в кафе. Там она не была солидной дамой из общества, она с Олегом вела себя как курортная дамочка в поисках приключений. Причем не блещущая воспитанием.

Вот и разгадка. Возможны и другие варианты, более хитрые, но это вряд ли. Обычно все происходящее намного проще, чем думается и предполагается. Как там у древних? Не усложняй без меры?

Глава 4

В Центре Гурова ждали с результатами еще утром, но найденное тело Валовика спутало планы, и он приехал на встречу с группой экспертов только к пятнадцати часам.

– Прошу прощения, товарищи, что снова отрываю вас от работы и заставляю ждать себя, но непредвиденные обстоятельства требовали моего присутствия.

Лев прошел к столу и сел. Первой начала говорить эксперт Ирина Евгеньевна, строгий взгляд медика заставил сыщика улыбнуться, уж очень эта женщина выглядела серьезно, как на приеме у английской королевы, когда следить нужно даже за каждым движением своей брови, которое могут истолковать двояко другие придворные или сама королева.

– Не знаю, обрадует это вас или огорчит, – сказала она, – но кровь в кабине «КамАЗа», которую вы нам предоставили для анализа, не человеческая.

Гуров поперхнулся и устался на женщину, напрочь выкинув из головы все фривольные мысли о королевских приемах и движениях бровей. Чья кровь? Коровья? Имитация того, что водитель умер во время аварии? Или что в кабине убили второго человека, и отсюда столько крови? Глупо же надеяться на такие выводы работников правоохранительных органов. Хотя все правильно, если предполагать, что работать будет молодой или ленивый дознаватель, которым «по барабану» причины аварии, которым бы только написать отказ в возбуждении уголовного дела и спихнуть материалы в архив. Может, на это и был расчет? Или другой вариант, более хитрый? Запутать, подсунуть ложную версию, увести следствие на это направление и отвлечь от истинного?

– Кровь-то хоть свежая? – спросил он после недолгого раздумья.

– Свежая, – кивнула Ирина Евгеньевна. – Ее взяли или с бойни, или с частного подворья, где резали корову. У нас это просто, и этот случай не первый. Нашим экспертам приходилось уже сталкиваться со случаями, когда коровью или баранью кровь пытались выдать за человеческую.

– И давно это было?

– Давно, – чуть пожала она плечами. – Раза три. Последний произошел года три назад, когда мужчина пытался имитировать собственную смерть и хотел скрыться от жены с любовницей и не платить алименты.

Значит, это испытанный и популярный местный ресурс, понял Гуров. Просто и незамысловато. Точно, у них был местный в помощниках, житель этих мест. Да и глупо было бы предположить, что что-то серьезное можно проверить, не имея в помощниках человека, знающего условия, обычаи, да и просто стиль работы местных правоохранительных органов.

– Образцы масел и других жидкостей, – начал докладывать следующий эксперт, – ничего экстраординарного не выявили. Типичные эксплуатационные материалы именно для «КамАЗов». Очевидно, потеки из емкостей или запчастей, которые водитель перевозил в фургоне или хранил там. В двух образцах была земля, вероятно, с обуви человека, который ходил по полу фургона, например, во время разгрузки или погрузки. Почва типичная для нашего района, но вот в образце с педалей в кабине нам удалось выявить следы чернозема и растительности, характерной для степных и лесостепных районов. Скорее всего, это типчак.

– Все? – спросил Лев, когда обсуждение закончилось. Но эксперты повернули головы в сторону молодого человека, который немного нервно теребил тонкую пластиковую папку в руках.

– Я хочу кое-что добавить, – сказал молодой человек. – Это по тому образцу с краской, который вы прислали.

– По какому образцу? – не понял Гуров.

– Ну, соскоб, – попытался напомнить эксперт. – В сопроводительной записке указано, что вы взяли соскоб с потертости на боковом профиле усиления кузова в фургоне «КамАЗа».

– Ах, да, простите, – кивнул Лев. – Действительно. И что вы можете сказать по этому поводу?

– Это какое-то специальное стойкое покрытие, товарищ полковник, – стал рассказывать молодой человек, явно пытаясь следить за своей речью и грамотно формулировать. – В основе – краска и лак. Скорее всего, это лакокрасочный состав, двухкомпонентная структура, которая при высыхании дает второй защитный слой. Примечательно, что у этого состава высокая механическая прочность. Прочность к коррозионному воздействию. И стойкость к большинству возможных атмосферных коррозий. Я не имею в виду коррозию химическую или биологическую.

– Поясните, что это за состав? – попросил Лев.

– Подобные составы используются в сложных метеорологических и природных условиях, когда необходимо защитить металл. Например, там, где есть частые песчаные бури, которые воздействуют на металл, или море близко, и соленые брызги разъедают со временем покрытие, и пескоструйная установка помогает сохранить его.

– Любопытно, – задумчиво произнес Лев. – И на каких же конструкциях такая установка используется?

– Я не знаю, – виновато ответил молодой эксперт. – Пытаюсь найти что-то похожее, но пока безрезультатно. Это или какая-то новая разработка или... не знаю даже, что предпринять. Могу только добавить, что состав кристаллизовался в идеальных условиях.

– А что это значит?

– Это значит, что его наносили на какое-то изделие не в уличных условиях или пыльного помещения. Скорее всего, в заводских условиях, причем в специальной покрасочной камере. И еще. Период высыхания был выдержан полностью. То есть послойное высыхание произошло, и покрытие превратилось в конгломерат. Но возраст его, как мне кажется, не более месяца. Нет разницы между поверхностным слоем и более нижним. На молекулярном уровне взаимодействие с окружающей средой все равно происходит, но здесь его практически нет. И это покрытие на порядок крепче, чем покрытие каркаса фургона «КамАЗа». Проще говоря, «КамАЗ» покрашен обычной краской, а вы привели образец специального состава.

– Час от часу не легче, – нахмурился Лев. – Получается, в машине перевозили какое-то изделие или оборудование со специальным покрытием, стойким к внешнему природному воздействию. Сразу возникают мысли о террористах и каких-то суперсовременных страшных разработках. Одно успокаивает – везли небрежно. С бомбой или другой опасной штукой так бы не обращались. Ладно. Спасибо всем!

Павлов долго не отвечал. Гуров постоял на улице в тени под каштанами и снова набрал номер спасателя.

– Лев Иванович! Здравия желаю! – раздался, наконец, в трубке жизнерадостный голос старшего лейтенанта.

– Здорово, Олег! Слушай, ты сейчас на дежурстве или как?

– Или как, – засмеялся спасатель. – Выходной у меня.

– Отлично. Понимаю, что планы, дела, но я попрошу тебя все же уделить мне с часок твоего времени. Сможешь? Дело серьезное.

– Ну-у, – задумчиво протянул Павлов, явно что-то прикидывая или рассчитывая. – Без проблем. Куда мне подъехать? В ГУВД?

Чтобы кто-то увидел Павлова возле здания ГУВД и заподозрил, что он продолжает контакты с полицией, в планы Гурова не входило. Зная, где живет старший лейтенант, Лев назначил ему встречу с таким расчетом, чтобы можно было понаблюдать за Олегом со стороны, оценить, нет ли за ним слежки, и, в случае необходимости, перехватить его до места randevu. Все получилось, так, как Гуров и планировал. Павлов шел не спеша, поглядывая на загоре-

лые ножки девушек, даже оборачиваясь с улыбкой на некоторых прекрасных юных фей. Суэта курортного проспекта не вызывала подозрений. Глаз у Гурова был наметан. Если вести слежку обычным порядком – вести объект одним или двумя наблюдателями, то их заметить опытному глазу не составит труда. Есть и более сложные способы слежки, но вряд ли люди, угнавшие «КамАЗ» и убившие двух человек, располагали временем и возможностями заниматься так «плотно» еще и простым старшим лейтенантом, который может иметь какую-то информацию, а может и не иметь.

– Сюда, Олег! – Гуров возник справа от Павлова, между остановкой автобуса и входом в супермаркет. – Давай за мной и не отставай!

Взгляд Олега сразу стал напряженным, молодой человек понял серьезность ситуации, просто так полковник из МВД не стал бы играть в шпионские игры. Гуров повернулся и быстро вошел в супермаркет. Где в магазине находился служебный выход, он уже знал, и сейчас шел к нему, лавируя между покупателями с тележками и корзинами. Еще два поворота между стеллажами с бытовой химией, и впереди железная дверь. Гуров сделал шаг в сторону и осмотрелся, выглядывая между стопками бумажных полотенец. Павлов шел в его сторону, и никого он, кажется, не интересовал. Лев открыл дверь и поманил старшего лейтенанта.

– Что случилось, Лев Иванович? – тихо спросил Павлов с тревогой в голосе.

– Случилось, Олег, – ответил Гуров. – Поговорить надо. И надо так поговорить, чтобы нас вместе с тобой никто не видел.

Они вышли под удивленными взглядами грузчиков из магазина, пересекли грузовой двор и двинулись по узкому зеленому переулку в сторону парка. Гуров сбавил шаг и заговорил:

– Скажи, Олег, как ты познакомился с Региной?

– С кем? С Региной? А кто это?

Ну, вот этим все и сказано, невесело усмехнулся про себя Лев. Раз она назвалась ему другим именем или в самолете назвала не свое имя, значит, ей есть что скрывать. С такими подходами добрые дела не делаются. И полковник пересказал разговор между Региной и Павловым в кафе, в котором он сам случайно оказался. Олег уставился на него и слушал очень серьезно. На секунду мелькнула мысль, что он станет отнекиваться и отрекаться от такого знакомства, но Павлов оказался на высоте.

– Вот, значит, как? – прищурившись, протянул он. – Что же получается? Она специально из Москвы прилетела, чтобы чьи-то следы заметить?

– Я не стал бы делать поспешных выводов, – хмыкнул Лев. – Может, заметить, а может, у нее своя, более важная роль. Мы пока этого не знаем. Но факт остается фактом – мой номер она узнала благодаря тому, что проверила твой телефон. Мы не скрывались с тобой, когда работали в ущелье вместе. А они узнали.

– Черт, она точно мой телефон крутила, – признался Павлов. – А что случилось, вы о чем сейчас сказали? Они узнали ваш номер? И что? Это тайна?

– Не тайна, просто без необходимости я не пользуюсь служебной симкартой, когда в быту можно использовать личную. Здесь вопрос был служебный, и звонил я со служебной симки. Кто попытается навести справки о покупках сим-карт или найти мой номер телефона просто по фамилии, у того ничего не получится, ему не дадут такой информации, я все-таки старший офицер МВД. Но не важно. Просто сегодня я получил угрозу сообщением на свой телефон. И звучала она так, что мне предлагалось не лезть в это дело, оставить все местным органам и проваливать в Москву, если я жить хочу. Понимаешь?

– Ничего себе, они оборзели! И что вы? Можно вычислить номер, с которого вам отправили сообщение?

– Нет, боюсь, что IT уже стерт. А сообщение отправлялось с компьютера. Сейчас это не главное. Сам факт угрозы примечателен, он говорит о том, что преступники начали действовать опрометчиво. Они явно не рассчитывали, что мы так быстро во всем разберемся и найдем

второе тело. Может, это еще не паника, но они начали ошибаться. Давай расскажи мне о своем знакомстве с Региной, или как она там тебе представилась.

– Сказала, что Ириной зовут, – хмуро ответил Павлов. – На улице просто познакомились. Я с работы шел, нас собирали на семинар. Она дорогу перебежала и ногу подвернула. Не сильно, просто каблук подогнулся. Я ее за руку поймал, с дороги увел. Ну, и слово за слово. Так благодарил меня! Честно говоря, подкупило то, что я ей вроде как понравился сильно. Попросила проводить, боялась, что каблук сломается. Я ее до гостиницы и проводил. Пока шли, разговорились, как-то само собой договорились погулять вечером. Ну, и закрутилось на трое суток. А телефон мой действительно побывал в ее руках. Я же без задней мысли, я порядок во всем люблю. И когда вы мне звонили, я ваш номер в память ввел. Подписал просто Гуров, и все.

– Понятно. Вспомни, Олег, о чем она тебя расспрашивала. Точнее, о чем ты ей рассказывал. Расспросы я слышал там, в кафе, когда она на тебе висла и просила рассказать что-нибудь еще из твоей работы.

Павлов опустил голову. Уши парня заметно покраснели. Гуров посмотрел на него и усмехнулся, возраст, куда от него деться. Профессионал хороший, дело свое знает, людьми в сложных условиях руководить может, но все равно остается мальчишкой. Может, всегда так у мужчин – стоит только женщине оказаться рядом, и все, сразу становятся мягкими, и в глубине души просыпается мальчишка. Пылкий, восторженный, готовый подхватить на руки, дарить цветы.

Павлов рассказывал толково. Регина и правда расспрашивала его очень много о его работе. И интересовали ее как раз серьезные аварии: как спасатели открывают машины, как извлекают людей. Она просто вытянула из него несколько таких ярких случаев. Получилось, что и про «КамАЗ» в Шаумянском ущелье Олег ей рассказал. Правда, без привязки к конкретному преступлению, просто как случай. Как сложно было спускаться и что ночевать там пришлось, чтобы не терять время и силы на подъемы и спуски.

– Значит, она знала, что мы долго копались в машине, – сделал вывод Гуров, – что тело подняли, что, естественно, было вскрытие. А еще она как-то поняла, что там был я. И знала, кто я такой. Но это уже не твоя вина. Наверное, у них есть свои каналы информации, а могли и просто подслушать разговор. Например, там, когда мы на дороге готовились с тобой к спуску. Помнится, народу многовато было в тот момент. Машины четыре любопытных или пять.

– И что теперь делать? – Павлов виновато посмотрел на Гурова.

– У вас с ней свидание намечено?

– Да, – отвел он взгляд. – Через два часа собирались с ней на пляж на Ривьеру съездить.

– Где встречаетесь?

– Кафе «Платан». Это угол Туапсинской и Пластунской, возле «Магнита». Вы хотите ее задержать?..

Гуров сидел в кафе, лениво развалившись в кресле, и потягивал холодный сок. Ткаченко и Румянцев сидели у самого выхода с девушкой и оживленно что-то обсуждали, наверное, фотографии на смартфоне. Играли свою роль оперативники довольно правдоподобно. Лев Иванович снова глянул на часы. Женщина запаздывала, и Павлов начинал нервничать. Это было слишком заметно. Наконец из остановившегося в нескольких десятках метров от кафе такси вышла Регина. Гуров сразу узнал ее по фигуре и распущенным волосам. Она сейчас была почти в том же образе, что и в самолете. Узнал ее и Ткаченко. Оперативник тут же прикрыл лицо ладонью, изображая, что разговаривает о чем-то по секрету с девушкой.

– Привет! – Регина подошла к столику и наклонилась, чтобы поцеловать Павлова в щеку, но тот машинально чуть отстранился. Она мгновенно почувствовала перемену в настроении своего приятеля и прищурилась: – Ты что? Сон страшный приснился моему мальчику?

Олег быстро нашелся и, попытавшись сгладить впечатление от своей неудачной реакции, улыбнулся, правда, улыбка получилась довольно натянутой:

– Я просто приревновал тебя.

– Глупый, к кому же ты меня приревновал? – усмехнулась Регина. – Закажи чего-нибудь попить и пойдем уже, я так хочу на пляж. Ну, к кому меня приревновал мой ревнивый мальчик?

Гуров поднялся и, слушая всю эту женскую болтовню, не спеша подошел к Регине сзади. Оперативники перестали «играть» и стали серьезными. Каждый обвел взглядом свой сектор наблюдения. У женщины могли поблизости оказаться сообщники. Маловероятно, но все же могли. Гуров никак не мог избавиться от впечатления, что преступники действуют как-то не очень профессионально, порой даже наивно.

– Ко мне приревновал, – заявил он, подходя к столу и усаживаясь рядом с Региной на свободное кресло.

Женщина вздрогнула и резко повернула голову. На лице ее промелькнуло недоумение, потом паника. Она стала медленно подниматься из кресла, но Лев положил ей свою ладонь на локоть и тихо проговорил:

– Сидеть!

– Вы? – послушно опускаясь, произнесла Регина. – Кто вы такой?

– Полковник Гуров. Главное управление уголовного розыска МВД. А вот кто вы? Документы у вас при себе есть?

– А у вас? – парировала она.

Лев заметил, что взгляд ее быстро метнулся в одну сторону, в другую. Она сидела напряженная, как пружина. И в этот момент сзади подошел Ткаченко. Тень оперативника легла на стол, и Регина уныло и обреченно расслабилась. Ее руки легли на стол, голова чуть опустилась. Стараясь не привлекать внимания, Гуров вытащил из кармана служебное удостоверение и развернул его. Ткаченко сел рядом с женщиной, взял ее сумку, двумя пальцами вытащил красное удостоверение, раскрыл его и с улыбкой прочитал: «Прокуратура города Сочи. Старший советник юстиции Соколовская Марина Николаевна».

– Она? – спросил Гуров. – Ее ты проверял возле кладбища в тот день?

– Так точно, она вышла из той машины возле Центрального Барановского кладбища. И удостоверение то же.

– Да, я сотрудник прокуратуры, – начала было повышать голос Регина. – И вы не имеете права проверять мои документы и задерживать меня.

– Замолчите! – грозно прервал ее Лев. – Нет никакой Соколовской в местной прокуратуре. Мы это проверили сразу же, когда только лейтенант Ткаченко увидел ваше удостоверение у кладбища. Вам не голос повышать сейчас надо, а подумать о сотрудничестве со следствием. Два трупа висят на вашей преступной группе. Понимаете вы? Группе! И предумышленные убийства двух человек. А это максимальные сроки, Регина, или как вас там на самом деле!

Подошедший старший лейтенант Румянцев доложил, что машина прибыла, Лев кивнул и еще раз посмотрел в лицо Регине:

– Сейчас вас увезут и посадят в камеру. Там будет время подумать. Не рассчитывайте, что мы вас обязаны выпустить через три часа, задержав без основания. Оснований больше чем достаточно, чтобы поместить вас в изолятор временного содержания на трое суток. Сегодня будет возбуждено уголовное дело, а завтра следователь арестует вас, и вы уже очень долго не выйдете на свободу. Уведите ее!

Они остались с Павловым одни. Олег смотрел вслед женщине, которую увели оперативники, потом перевел взгляд на полковника:

– Я вам все испортил здесь, да, Лев Иванович?

– Что ты имеешь в виду? – недоуменно посмотрел на Павлова Лев, словно очнувшись от своих размышлений.

– Ну, вы приехали с разработкой, у вас были свои планы, работа, а я с этим знакомством. Фактически я выдал этой Регине и вас, и другую информацию. Но я не виноват, меня же просто использовали. Я-то все принимал за чистую монету. Думал, что познакомился с интересной женщиной. Красивой.

– Это многих подводит, не наговаривай на себя, – усмехнулся Лев. – Именно красивых и посылают на такие задания. Этой тактике использования женской красоты в темных делах тысячи лет. Искусство разведки, как и искусство войны, – очень древнее занятие. Тебе-то откуда знать, с какой целью она тебя спрашивает? Вот что, Олег. У меня к тебе будет такая просьба: сядь дома, возьми ручку и лист бумаги и распиши мне по датам, а лучше и по часам, когда ты познакомился с Региной, когда встречался с ней, где бывали. И самое главное, распиши содержание каждого вашего разговора. Разумеется, не разговоры о погоде и не выбор меню в кафе, а именно ее расспросы. О чем спрашивала, как настойчиво, что ты отвечал. Теперь ты ее истинное лицо знаешь и сможешь сделать это более хладнокровно. Договорились?

– Хорошо, Лев Иванович. А когда вам нужен этот отчет?

– Лучше завтра с утра, Олег, – ответил Гуров, поднимаясь из-за стола. – Я хочу сначала ваши разговоры проанализировать, а потом уже Регину допрашивать. Мне нужно понять, что конкретно эту даму интересовало...

– Наверное, ваше расследование, – ответил спасатель, удивленный такой постановкой вопроса, – что же еще. Они ведь и угрожали вам потому, что не хотят, чтобы вы раскрыли преступление.

– Какое? – Гуров повернулся к старшему лейтенанту и внимательно посмотрел ему в глаза. – Ты мне скажи, раскрытия какого преступления они так не хотят? Ну?

– Как какого? – еще больше удивился Павлов. – Так ведь... Машину угнали, водителя убили. Я не понимаю вас, Лев Иванович.

– Убийство водителя, убийство сопровождающего от местного суда – это все, Олег, только способ скрыть другое преступление. А вот какое, мы с тобой не знаем. Мы не знаем, кто и зачем угнал машину и убил двух человек, что за этим стоит. Ведь если они так бесцеремонно обошлись в этом случае, значит, скрыть пытаются что-то более важное. Что? Видимо, это стоит намного больше, чем жизнь двух человек.

– А может, они просто так ценят жизни других? – вставил Олег. – Для них только свои цели важны и имеют ценность, а все остальные... так, разменные монеты.

Ответить Гуров не успел. Боковым зрением он отметил движение возле входной двери и повернул голову. Молодой мужчина в черной футболке и джинсах уже опускал рукой на лицо «балаклаву». На одной руке была тонкая пластиковая перчатка, а в другой он держал автомат без приклада с толстым стволом. Первыми мыслями, которые пронеслись в голове сыщика, были «глушитель» и «здесь же люди». Глушитель, значит, звуки выстрелов не привлекут полицейских, которые случайно могут оказаться поблизости. А стрельба из автомата очередями – гарантия, что пули могут попасть не только в жертву, а еще и в окружающих людей.

– На пол! – что есть силы гаркнул он и свалил с ног Павлова, падая на него следом за столиком.

Его, конечно, услышали те несколько посетителей, которые находились в этот момент в кафе. Услышали, но надеяться, что кто-то отреагирует правильно и быстро, вот так же бросившись на пол, не приходилось. Раздался металлический звук, с которым несколько раз сработал затвор автомата. Из-за грохота падающих кресел Лев не расслышал хлопков, но зато в стену возле его головы ударились две пули, еще одна расщепила деревянную крышку стола, две коротко лязгнули о металлические ножки кресла.

Что-то короткое, лихорадочно соображал Гуров, выдергивая пистолет из кобуры под мышкой, какой-нибудь «Кедр» или «Клин»! Нет, магазин в рукоятке, не торчит, значит, он на двадцать патронов. Это еще три таких очереди, и ничто не мешает ему подойти к столам. А тут

люди! А он стрелять не умеет. Все это пронеслось в голове сыщика за доли секунды. Киллер сделает четыре шага или просто опустит ствол оружия, и 9-мм пули прошьют и крышку стола, и сиденье кресла. Они пройдут как через масло и найдут свои жертвы. Нет времени на отвлечение, на броски стакана в угол, некогда посылать Павлова броском уходить в сторону, чтобы сместилась линия прицела и, поднявшись над столом, можно было бы выстрелить в убийцу. Каждая новая его очередь из автомата – это шанс пострадать посетителям кафе. А там сидят парень с девушкой, там неподалеку семейная чета и две девочки с бантиками, там две старушки ели мороженое у самой двери.

Не вставая с пола и продолжая прикрывать своим телом Павлова, Лев вытянул руку вдоль пола и выстрелил туда, где его цель была видна, хоть и частично. Выше нельзя, там люди, там окна домов! А здесь, за ногами киллера, – только стена. И он четырежды выстрелил по ногам убийцы. Две пули прошли мимо, потому что Лев стрелял из неудобного положения, да еще спасатель под ним пытался вырваться. Но две пули точно зацепили штанины. Гуров отчетливо видел, как пули рванули джинсовую ткань. Но вот только крови не было. Все, мелькнула мысль. Сейчас ответная очередь, и все!

Но оказалось, что и этого было достаточно. Преступник запаниковал, наткнувшись на такое активное сопротивление, резко повернулся и бросился к выходу. На пол с грохотом полетел небольшой автомат. Не попал, со злостью подумал Лев, пытаясь выбраться из-под Павлова. Но это оказалось совсем не просто – Олег тоже активно пытался что-то предпринять. Наконец ему удалось подняться.

– Автомат не трогать, окажи помощь людям! – крикнул он спасателю и бросился на улицу.

Не очень оживленная улица, но несколько изгибов и обилие деревьев делали ее непробиваемой на большое расстояние. Гуров схватил за рукав одного мужчину, спрашивая, не видел ли тот человека в джинсах и черной футболке, потом таким же вопросом напугал женщину. Неожиданно подбежали две девочки лет восьми с ярким самокатом.

– Дяденька, он вон туда побежал! – стала показывать одна из девчушек. – Он нас напугал, на самокат наступил и сломал его.

Переулок – это плохо. Лев махнул девочкам рукой и побежал в указанном направлении. Между домами было пусто. Он прошел несколько метров и остановился. Ну и куда бежать? То ли этот человек в дом забежал, то ли успел добежать до ближайшего переулка. В любом случае метаться уже бесполезно. Сзади торопливо затопали ноги, и Лев резко повернулся, снова схватившись за рукоятку пистолета. К нему приближался молодой полицейский с погонями старшего лейтенанта.

– Вы – полковник Гуров? – выпалил он и тут же представился: – Старший лейтенант полиции Гончаров, отдельный батальон дорожно-патрульной...

– Да, понял, понял, – махнул рукой Гуров, продолжая осматриваться. – Рация с собой? Вызывай своего дежурного, я передам ориентировку на преступника.

Пока инспектор связывался с оперативным дежурным, Лев прошел немного вперед и остановился возле мусорных баков. Во втором баке поверх мусора лежала развернутая «балаклава» и пара тонких пластиковых перчаток, свернутых комком, как будто их торопливо сдирали с рук.

– Готово, товарищ полковник, – подошел старший лейтенант, – дежурный на связи.

– Передайте всем экипажам и постам, продублируйте от моего имени дежурному по ГУВД. Пять минут назад неизвестный преступник с целью убийства свидетелей и сокрытия доказательств преступления совершил вооруженное нападение в кафе «Платан» на Туапсинской улице. Приметы преступника: на вид 35–40 лет, среднего роста, спортивного телосложения. Волосы короткие, темные. Одет в синие потертые джинсы и футболку черного цвета.

Ботинки черные, спортивного типа без каблука. Особая примета: левая штанина на уровне голени имеет два пулевых отверстия. Преступник может быть вооружен.

Закончив передавать, Гуров протянул инспектору рацию и, показывая на мусорный бак, произнес:

– Вот что, старший лейтенант. Попрошу вас подежурить здесь несколько минут, до приезда оперативно-следственной группы. Ваша задача охранять вот эти улики в баке.

Прихрамывая, он вернулся к кафе, на ходу связавшись с управлением и вызвав криминалистов. Колено существенно побаливало и мешало идти. Когда это он его ушиб? Даже не сразу заметил, а только теперь, когда все улеглось и спало напряжение. Кажется, когда падал и свалил с собой вместе Павлова. Что там в кафе? Кажется, никто не пострадал. По крайней мере, так было, когда он выбегал следом за киллером.

– Ну как? Догнали? – с надеждой спросил Олег, поднявшись от крайнего столика. – Я тут распорядился никого в кафе не пускать, а свидетелей задержаться. Вон, ребята из ДПС помогли всех успокоить.

Гуров кивнул двум инспекторам в зале и посмотрел на старушек, которые недавно так мирно ели мороженое. Кажется, бабушки оказались не из пугливых. Молодцы, хорошо держатся. Вон как бойко обсуждают с молодой четой произошедшее.

– Нет, не догнал, – садясь в кресло, ответил он и достал из кармана пиджака платок. – Вообще, что-то странное происходит. Опять ничего не укладывается в четкую схему. Нелепость на нелепости.

– Почему? – удивленно спросил Павлов. – Ни фига себе, нелепость! Из автомата посреди бела дня в людном кафе...

– Кто кафе для встречи выбирал? – резко перебил его Лев. – Ты или Регина? Чье это было предложение встретиться именно здесь?

Олег задумался, сведя брови к переносице, потом покачал головой:

– Нет, не мое предложение, это Регина. Я здесь ни разу не был. Она спросила, где мне удобней, и предложила это кафе как компромисс, чтобы и мне было ближе, и ей. Вот как-то так.

– Ну, ясно, – кивнул Лев. – Она выбирает кафе, в котором ее неожиданно задерживают работники полиции по подозрению в причастности к совершению преступлений. И когда ее задержали и увезли, вдруг появляется киллер и пытается расстрелять двух важных свидетелей, людей, которые наиболее информированы о подробностях данного преступления. Причем о моем появлении в кафе киллер не мог и предполагать. Значит, убить хотели именно тебя.

– Зашибись! – опешил Павлов. – Вот вы меня успокоили, Лев Иванович!

– Не все так страшно, Олег, – вздохнул Гуров, – но опять все нелепо. Забежал, выстрелил, потом все бросил и убежал. Клоунада, а не покушение.

– Вы придираетесь, – нервно рассмеялся Павлов. – Он успел дать только одну очередь, а вы и сами упали, и меня уронили. Вон, до сих пор локоть согнуть больно. А потом вы начали стрелять. Он понял, что вы можете его убить или ранить, и тогда Регина попадет в руки полиции, а это в его планы, наверное, не входило. А может, он до сих пор не сталкивался с таким активным сопротивлением, ну, женщин убивал, стариков. А тут такая «засада». Не может быть такого? Ну, испугался, понимаете?

– Испугался, – согласно кивнул Лев. – Не сумел. А может, не хотел?

Павлов удивленно уставился на полковника, который внимательно смотрел ему в глаза. Этот человек постоянно поражал молодого спасателя своими неожиданными странными суждениями.

– Как это? – медленно проговорил Олег.

– А вот так. – Лев поднялся и похлопал старшего лейтенанта по плечу. – Не хотел убивать. Попугать хотел. Ну, иди, приехала «Скорая», посмотрят твой локоть.

Процедуры заняли много времени. Нужно было осмотреть место происшествия и все вокруг, совершить поквартирный обход в соседних домах и постараться найти свидетелей преступления, а еще тщательно допросить свидетелей нападения, которые находились в кафе. Оружие, из которого стрелял неизвестный, извлеченные из стен пули, даже пули из пистолета Гурова увезли в лабораторию.

Лев вернулся в гостиницу, когда на улице стало темно. Было о чем подумать, и он думал. Закинув руки за голову, лежал на кровати и смотрел в окно. Странное ощущение в большом городе, тем более в курортном. Заканчивается день, должна наступить ночь, но в черте города одно освещение сменяется на другое. На улицах по-прежнему светло, только по-другому. Вот он признак цивилизации, населенный пункт бодрствует круглые сутки. Таков ритм современной жизни. Раньше темнело, и постепенно темнели окна в деревне, переставали жечь лучины – свечи и масло дорого стоят. Люди ложились спать с наступлением темноты. Деревня погружалась в темноту, засыпала. А сейчас потоки информации не прекращают своего движения ни на миг.

И как доказательство правоты его мыслей на столике возле кровати завибрировал телефон. «Наверное, Орлов, – подумал Лев. – Почувствовал, что я собираюсь ему звонить. А может, Маша? Нет, с Машей мы перед сном созваниваемся. Еще рано...» Но на экране высветился номер служебного телефона начальника уголовного розыска ГУВД Мартьянова.

– Удобно говорить, Лев Иванович?

Голос был усталый. Гуров даже представил, как майор сейчас трет платком побагровевшую шею под воротником рубашки.

– Да, слушаю. Что там у вас?

– Нашлась машина, за которой гонялся Витя Ткаченко в тот день, когда вы труп обнаружили в Теновом переулке.

– Давайте подробно! Как, при каких обстоятельствах, где?

– Ее бросили в Богушевке, в шести километрах от того места, где Ткаченко потерял беглецов. Даже номера не сняли и не заменили.

– Может, подставили не ту машину, но с теми номерами, – предположил Гуров.

– Нет, та машина, – уверенно ответил майор. – Я и Ткаченко расспрашивал очень подробно, и водителя Сашку Петрова. Они утверждают, что машина та. Хоть преступники и видели погоню, но почему-то бросили машину в таком виде. Там еще приметный дефект на заднем левом фонаре, ребята его опознали. Одним словом, эксперты всю ее облазили, обнюхали каждый сантиметр. Отпечатки стертые очень старательно, для идентификации подходящих отпечатков нет. Но есть потожировые следы. Они, скорее всего, дилетанты, не знают, что это тоже улика и определяются эти следы довольно легко. А еще на подголовниках несколько волос. На водительском – мужские, короткие, темные и жесткие, на пассажирском сиденье – длинные. Кстати, на автомате тоже нашли потожировые, на магазине. Парень не подумал, когда вытирал оружие, что магазин он вставлял голыми руками еще до нападения на вас в кафе.

– К утру сможете подготовить материалы для сличения?

– Да, сможем. Я предупредил следователя, она готовит материалы для ареста Симониной.

– Симониной? – переспросил Лев.

– Да, мы установили личность Регины. Пришло подтверждение из паспортно-визовой службы Москвы.

Отключившись, Гуров вышел на балкон и стоял там минут тридцать, глядя на город, на море. Ночь, город-праздник, а он снова по уши в чужой беде. Да еще по колено в крови. Да, город-праздник. Город-курорт, город-порт... Порт? Лев быстро вернулся в комнату, включив планшет, настроил видеосвязь и вызвал Орлова. Это был контрольный срок. Сегодня вечером он должен был высказать свое окончательное мнение, на которое Орлов потом будет опираться при принятии решения и о чем будет докладывать на межведомственном совещании.

Вызов окончился, но Петр не отвечал. Гуров подождал две минуты и снова нажал вызов. Через несколько секунд видеосвязь установилась, мелькнул мощный лысеющий череп генерала, и зычный голос Орлова произнес:

– Подожди, Лева, через минуту освобожусь.

Гуров уселся в кресло, откинулся на спинку и стал ждать. Орлов кому-то устраивал разнос, кто-то тихо оправдывался, ссылаясь на какие-то обстоятельства. Потом хлопнула дверь кабинета, но генерал теперь стал с кем-то говорить по телефону. Все это длилось почти четыре минуты, по истечении которых Орлов все же подсел к экрану.

– Черт, жарко у нас тут, – заявил он, промакивая лоб салфеткой. – Ты-то там как, курортник?

– Как на курорте, – хмыкнул Лев. – Загораю, купаюсь, а вечером танцы с девочками.

– Ну и?.. – понял иронию Орлов.

– А если серьезно, то вчера я нашел второй труп, а сегодня чуть трупом не стал сам. На спасателя из МЧС, который мне помогал в ущелье, совершено нападение. Киллер с автоматом в кафе. И я там оказался. Чудом обошлось. А еще вчера мне на телефон пришла эсэмэска с угрозами. Если я не оставлю расследование, не передам его местным и не уеду в Москву, то здесь меня и закопают. Это не дословно, но образно.

– Ты что? Докопался до истины? – обрадовался генерал.

– Самое интересное, что я так и не понял, из-за чего весь сыр-бор. Для чего угонять машину, убивать и прятать до времени тела. Для чего эти угрозы, эта имитация покушения.

– Стой, Лева! Но это же значит, что ты подошел очень близко к разгадке. Угроза, покушение. Да ты совсем рядом, вот они и запаниковали! Напряги мозг! Я знаю, как ты умеешь это делать.

– Напряг, – вяло ответил Гуров.

– Ну? – нетерпеливо потребовал Орлов. – Выводы давай, выводы!

– На тебе выводы, – пожал плечами Лев. – На том «КамАЗе», который упал в пропасть, перевозили что-то важное, хорошо и надежно покрашенное. Очень стойкой краской, композиционным лакокрасочным покрытием. И ради этого угоняли «КамАЗ», ради этого убили водителя и сопровождающего от местного суда. Ради этого имитировали, что машина угнана из-за судебного архива. И дальше все в том же духе. Кто-то упорно пытается показать мне, что я близок к разгадке, что тела и «КамАЗ» – очень важно, и там разгадка. Меня уводят в сторону, Петр! И делают это по-дилетантски глупо, но и настырно. Вот мои выводы.

– А если ты ошибаешься? Если дело обстоит именно так, все дело в сейфах и трупах, и ты действительно близок к раскрытию?

– Петр, машину гоняли куда-то за восемьсот верст. В кузове следы от подошв мужской обуви и типичный чернозем со следами типчаковой растительности.

– Вы сняли показания спидометра? – сразу же спросил Орлов.

– Нет, они оборвали тросик, и спидометр не работал. Это точно, потому что в автопредприятии, которому принадлежал «КамАЗ», дотошная система выпуска в рейс. Там хорошо следят за состоянием машин, а показания сверяют ежедневно с расходом топлива. Обычная система. Нет, Петр, тросик оборвали преступники. Но сейфы в кузове не вскрывались, дела на месте, хотя все они относятся к самому напряженному периоду подготовки олимпиады в Сочи. Там дела и о коррупции, и о хищениях.

– Твои выводы? – поиграв желваками на скулах, спросил генерал.

– Кто-то пытается отвлечь следствие от истинных целей похищения «КамАЗа» и пустить его по ложному следу. Что-то дорогое или очень важное было тайно перевезено в фургоне «КамАЗа» из района Сочи куда-то севернее, в степную или лесостепную зону. Эксперты сказали, что краска, которой было покрашено перевозимое изделие, высокотехнологичная и очень

дорогая. Но они затрудняются сказать, где такое покрытие может использоваться в промышленных масштабах.

– Космос?

– Нет, там другие характеристики, там важнее воздействие температуры или излучения. Я бы предположил скорее автомобильную промышленность, но эксперты сказали, что красить машины такой краской не рентабельно. Во-первых, краска переживет сам автомобиль, а во-вторых, стоить он будет как чугунный мост. Боюсь даже представить, что они там везли.

– Значит, создаем оперативно-следственную группу? – спросил Орлов, опустив голову и задумчиво постукивая карандашом по столу.

– Немедленно! На межведомственном уровне, с привлечением сил Следственного комитета и Генпрокуратуры. Комиссионно предлагаю включить в группу и представителей Верховного суда. Отвлечение отвлечением, но проверять дела, которые оказались в «КамАЗе», придется. Думаю, выяснится, что какие-то подлежат пересмотру.

– Все?

– Все, – кивнул Лев.

– Ну, тогда я на доклад, а ты заказывай билет, и завтра же в Москву. Нечего тебе там торчать. Один раз поугаать хотели, а на следующий решат, что ты слишком много знаешь. Или вот еще что, позвоню-ка я и прикажу выставить тебе охрану.

– Петр, перестань! – засмеялся Гуров. – Нападение было не на меня, а на сотрудника МЧС, который мог выдать суть расспросов преступницы. Но ее задержали, он все передал нам. Нет смысла убивать ни его, ни меня. И вообще, это было попыткой напугать, а угроза мне в сообщении просто совпала по времени с покушением на спасателя.

– Чего ты хочешь? – нахмурился генерал.

– Я завтра вечером вылечу, – хитро прищурился Лев. – Хоть пару часиков полежать на пляже и окунуться в море. Сделаешь поблажку старому другу?

Орлов хмуро смотрел на него с экрана, потом строгое лицо генерала стало мягче, и он улыбнулся:

– Господи, ну вот что с вами делать! Пользуетесь со Станиславом тем, что я на вас сердиться не могу. Хуже нет, чем командовать старыми друзьями. Любите вы из меня веревки вить!

– Из тебя совьешь, – засмеялся Лев. – И потом, я же не в ущерб работе. По закону день прилета все равно считается командировкой. Что я в обед прилечу в Москву, что вечером, ты же все равно не поступил своим долгом начальника. Никакого нарушения.

– Черт с тобой, купайся, – хмыкнул Орлов. – Жене позвони, аналитик!

Глава 5

Гуров проснулся в шесть часов утра и прислушался к своему организму. Да, есть ощущение выполненного долга. Это понятно по тому, как он выспался. Несмотря на свой огромный опыт командировочных поездок, Лев так и не привык хорошо выспаться на чужих постелях. Единственно, что способствовало отдыху в непривычных условиях, это ощущение, что ты хорошо поработал и для тебя командировка кончилась. Эти часы всегда были самыми приятными во время поездок. Все сделано, все, что намечено, выполнено, и ты можешь не спешить, можешь неторопливо собираться домой, перекусить в приличном ресторане или кафе, пройтись по городу. А в душе предвкушение возвращения в Москву, встречи с Машей в уютной прихожей, куда доносится запах вкусного ужина. Электронный билет на самолет заказан вчера в половине двенадцати ночи. Сегодня он распечатает его у портье в гостинице, закинет на плечо свою походную сумку с документами и предметами первой необходимости, подхватит чемодан, и в аэропорт. Все, кажется. Ну, можно еще забежать в местное управление, попрощаться с коллегами. СОлегом Павловым попрощаться надо обязательно. Парень чувствует себя немного виноватым, и надо его переубедить и успокоить.

Но самое главное, это душ, легкий завтрак, и через час – на море! Пляж, мягкое утреннее солнце, спокойная вода. Можно броситься в воду, почувствовать, как она обхватила твои плечи, и плыть под водой долго, пока есть воздух в легких. А потом вынырнуть и оглянуться на берег, убедиться, что ты довольно долго смог плыть под водой, что есть еще силы, и можно вот так шикануть на пляже перед лениво глазеющими курортниками. Гурову стало смешно от этих своих мальчишеских мыслей, и он рывком поднялся с постели.

Когда море рядом и брать с собой ничего особенного не надо, то и сборы недолги и приятны. После завтрака, сунув в пакет полотенце, плавки, телефон с бумажником, Гуров вышел из номера.

– Лев Иванович! – окликнул его в фойе администратор. – У нас выписка из номеров в четырнадцать часов.

– Успею! – помахал рукой Лев. – Я только окунусь, чтобы было о чем вспомнить.

Он вышел из гостиницы в прекрасном расположении духа. Десять минут быстрого шага, и вот уже мелкая галька пляжа, вот уже еле слышный шелест волны. Только на галечных пляжах есть такой приятный звук...

И так мало загорающих. Начало девятого утра. Вон парень бегаёт по набережной, вон двое «качков» подтягиваются у турника. Приятное утро для спорта. А вон полная мамаша привела свою семью позагорать на утреннем солнышке. Хилого мужичка в очках и двоих детей младшего школьного возраста. А сумок-то, сумок! Заплатив охраннику за лежак, Гуров сложил на него свои вещи, торопливо разделся и зашагал к воде. Вот он, этот счастливый миг, вот минута настоящего счастья. Побывать на море и не окунуться – нелепость, граничащая с глупостью. А у него такая возможность есть. А потом он будет лететь в самолете и чувствовать на губах соленый привкус морской воды. Это же сказка, мечта!

...И вода приняла его сильное тело, обхватила и вытолкнула на поверхность. Гурову почему-то не захотелось долго плыть под водой, слушая шум пузырьков возле ушей. Он вынырнул почти сразу и лег на спину. Голубое небо, чайки и соленая вода, которая мягко держит тело. Лежать было приятно, оставалось чуть подгрести руками, чтобы плечи не погружались, и наслаждаться. Лев видел, что на пляж шли и шли люди. Еще час, и тут будет не протолкнуться, подумал он. Пойду-ка я позагораю, пока тихо и никто не ходит мимо, роняя на меня с локтей холодные капли.

Вытянувшись на полотенце, Гуров надел темные очки и прикрыл глаза. Солнце ласкало тело, вода высыхала мгновенно. Легкий ветерок нежно касался кожи. Рядом хрустнула галька,

мужской голос поблагодарил охранника и, видимо, поставил рядом лежак. Ну, вот и соседи теперь объявились, лениво сквозь дремоту подумал Лев. Скоро будем лежать голова к голове и локоть к локтю. Кто-то раздевался рядом, шелестела одежда. Потом стали удаляться шаги.

Сколько времени прошло, Гуров не знал, наверное, он снова задремал. Но теперь рядом снова кто-то шевелился, шуршал чем-то и тихо мурлыкал какой-то мотивчик. Профессионально мелькнула мысль, а не вор ли? Пока хозяин купается, кто-то роется в его вещах? И вообще, сколько времени прошло?

Лев неторопливо приподнял очки и повернул голову. Рядом с ним на лежаке сидел крепкий молодой мужчина с идеальной короткой стрижкой и великолепным загаром. Ого, подумал он, видать, парень давно здесь жарится. И вдруг, увидев небольшой круглый сморщенный шрам, сразу понял, что это шрам от пулевого ранения. У мужчины он красовался чуть выше левой лопатки. Занятно!

– Потревожил? – обратился к нему мужчина. – Простите, я старался не шуметь. А вы только что не храпели.

– Не беспокойтесь, здесь и так шумно, – ответил Лев, опуская очки на глаза.

А у незнакомца какой-то акцент. Еле уловимый. Прибалтика? Пожалуй, нет...

– А все-таки я вас потревожу, – вдруг тихо засмеялся мужчина и подтащил свой лежак почти вплотную к лежаку Гурова.

Лев снова приподнял темные очки и пристально посмотрел на мужчину. Уловив его взгляд, тот улыбнулся и произнес:

– Вообще-то я к вам по делу, Лев Иванович!

На лице незнакомца промелькнуло вдруг откровенное разочарование. Кажется, он ожидал другой реакции: удивления, ошеломления и массы вопросов, типа, а откуда вы меня знаете, предъявите ваши документы, гражданин. Но Гуров все так же спокойно смотрел на незнакомца, чуть приподняв над глазами солнечные очки, и ждал. Так спокойно, будто его только что не назвал по имени и отчеству совершенно незнакомый человек.

– По какому? – равнодушно спросил он. – И что за дела могут быть на пляже?

– Нам с вами лучше разговаривать на пляже. По крайней мере, пока.

– У вас странный акцент, – никак не отреагировал на многозначительную фразу незнакомца Лев. – Вы иностранец, хорошо владеющий русским языком. Говорите правильно, ударения ставите, где надо, интонации правильные, но артикуляция у вас не такая, как у русских, отсюда и еле заметный акцент. Для вас привычно разговаривать на другом языке. По тому, как вы растягиваете губы при произношении ряда букв, слогов и звуков, могу предположить, что родным для вас является английский. Я не ошибаюсь?

– Исключительно интересно с вами общаться, – с удовлетворением заявил незнакомец. – Хорошо, что я в вас не ошибся. Думаю, наша совместная работа будет плодотворной.

– Любопытно. – Лев снова надел солнечные очки. – Не получилось напугать покушением, так вы решили меня купить или убедить помочь вам? Или не мешать вам?

– Покушение? Я этого не знал. – Глаза незнакомца стали серьезными. – Но все равно направление ваших мыслей начинает меня разочаровывать.

– Увы, вам теперь придется с этим как-то жить, – пожал Лев плечами. – Но вы учтите, когда мне надоест эта наша весьма содержательная беседа, я потребую у вас документы, а возможно, организую вашу доставку в местное управление полиции для дальнейших разговоров и установления вашей личности.

– О, господи! – вздохнул мужчина. – Во всех странах полицейские все же до обидного одинаковы. Ладно, время – деньги, а мне вас на эмоциях не поймать, я это понял. Поэтому карты на стол. Меня зовут Марк Додсон. Я англичанин, но имею также и гражданство Арабских Эмиратов. Я сотрудник личной охраны... ограничимся пока формулировкой «одного принца». В вашей стране я официально, у меня оформлена виза, и документы у меня в порядке.

– А по-русски вы где так насобачились разговаривать? – поинтересовался Гуров.

– А-а, – замялся Марк. – Собака? Простите...

– Это лучшая проверка, – усмехнулся Лев. – Когда хочешь убедиться, что перед тобой иностранец, который не в России долго прожил, а именно выучил правильный язык за рубежом, то надо задать вопрос с такой вот закавыкой. Много у нас таких словечек, чему не учат на курсах русского языка у вас.

– Закавыка, – повторил Марк и очень по-русски почесал в затылке. – Удивляете вы меня, Лев Иванович. Я с вами знаком всего несколько минут, а счет уже 2:0 в вашу пользу.

– Что вам надо от меня, Марк Додсон? – холодно спросил Гуров, не принимая игривого дружеского тона. – Даю вам пятнадцать минут на объяснение. Если они меня не удовлетворят, то разговор продолжится в полиции. А возможно, и в местном управлении ФСБ. Дерзайте! Слушаю вас.

– Вы, русские, при всей вашей душевности, – притворно вздохнул Марк, – умудряетесь создавать впечатление людей тяжелых, угрюмых. Ладно, не коситесь на часы, я начал говорить серьезно! Я действительно работаю в службе безопасности сына одного из шейхов. Извините, но по понятным причинам я бы не хотел пока называть ни эмират, ни имя шейха, ни имя его сына. Принц в этом году закончил обучение в Великобритании, вернулся на родину, где готовится его свадьба с прекрасной девушкой. Так принято в арабском мире. Я не буду вам много рассказывать о традициях и обычаях этого мира. Пока поверьте на слово, что там так принято. Принц решил сделать невесте подарок – дорогую машину, кабриолет ручной сборки.

– Я знаю о строгостях мусульманского мира, – перебил его Лев, – разве у вас разрешается женщинам ездить за рулем?

– Невеста принца русская, – мягко улыбнулся Марк. – Замечательная девушка! А для немусульманок у нас есть послабления. Она даже не собирается принимать ислам. Двадцать первый век, Лев Иванович, мир становится более гибким и толерантным. Даже мусульманский.

– А сюда вас за каким лешим занесло? В Дубае пляжи хуже, чем в Сочи?

– Лучше, – уверенно ответил Марк. – Не обижайтесь, но лучше. И лучше не торопите меня, я знаю, что говорить, чтобы у вас осталось как можно меньше вопросов. Машина собиралась в Европе, это штучное изделие, ручная сборка. Там и двигатель модернизированный, и электроники больше, чем на современном истребителе пятого поколения. Есть и еще кое-какие современные устройства, делающие поездку на такой машине настоящим удовольствием. Дорогая машина, Лев Иванович, очень дорогая, потому что она еще и единственная в своем роде в этом мире. Таковы уж наши принцы! И эту машину украли. Украли и морем вывезли сюда. Я попытался предположить примерный маршрут. Были некоторые зацепки, улики. По моим данным, машину в Черном море перегрузили с одного судна на другое, и это судно причалило здесь, на Черноморском побережье Кавказа. Здесь ее и сгрузили.

– Ее могли сгрузить в любом порту: в Сухуми, в Пицунде, в Туапсе, в Геленджике, в Новороссийске.

– Нет, Лев Иванович, – покачал головой Марк, – в Абхазии не могли. Там контрабанду чуют сразу, и там за сохранение тайны выгрузки машины пришлось бы заплатить очень дорого. Но и это не стало бы полной гарантией. Я наводил справки, я знаю, что у вас творилось в Абхазии в 90-е годы. И в маленьких портах они бы не стали рисковать с такой выгрузкой. А в Новороссийске у вас военная база, там контрразведка работает серьезно. Нет, Лев Иванович, здесь они машину выгружали, именно здесь.

– У вас есть конкретные доказательства, кроме ваших умозаключений?

– Конечно, – кивнул Марк. – Иначе я бы к вам не пришел. Поверьте, я давно работаю в спецслужбах, у меня большой опыт и хорошие связи. Только не подумайте, что я шпионил в пользу Великобритании в вашей стране. Всего лишь Интерпол, и всего лишь связи с Россией. А

русский язык я выучил во Франции в Сорбонне. У меня степень бакалавра по химии и русской литературе.

– Впечатляет, но вернемся к доказательствам, а потом уж поедem в управление для установления вашей личности.

– Машину везли на корабле в обычном морском контейнере, – стал перечислять Марк, – это установлено свидетельскими показаниями. Судно пришло в порт с изменениями в судовых декларациях. Там были подчистки, но пока об этом молчат. Пока. Здесь машину своим ходом не погонят к заказчику, она слишком заметная. На автовозе тоже нельзя – даже если накрыть машину брезентом, тканью, все равно бросится в глаза. Ее увезли в таком же контейнере. Их ставят на шоссейные тягачи и возят грузы. У вас для 8-тонных и 20-тонных контейнеров используют «КамАЗы» или иностранные тягачи малой мощности. Я навел справки и узнал об упавшем в пропасть «КамАЗе» на Шаумянском перевале.

– Интересно, и сколько же стоит эта машина, если из-за нее столько всего наворотили? Даже людей убивают!

– Очень много, Лев Иванович! Поверьте. И вы не забывайте, что это подарок невесте. Эксклюзивный подарок! Такой машины больше нет ни у кого в мире. Есть только немного похожие. Но начинка!

– Ладно, верю, – отмахнулся Гуров и, сняв очки, бросил их рядом с собой на полотенце. – И все же, где доказательства?

– В акте экспертизы того образца краски, что вы достали со дна ущелья.

– Что?! Вы хотите сказать, что подкупили кого-то из сотрудников лаборатории, и вам передали копию... Да вы знаете, как это называется? Это уже на грани преступления, уважаемый мистер Додсон!

– Успокойтесь! – вполне серьезно отреагировал Марк. – Что вы все своими полицейскими категориями: украл, подкупил, шантажировал. Все цивилизованно. Просто был человек, который вошел в доверие и услышал кое-что, просто умело задал вопрос, а ваш человек ответил. Это же не секретная информация, что вы так возмущаетесь? Это просто уголовное преступление и результаты экспертизы по нему. Не надо на весь пляж говорить «мистер», это опасно и для меня, и для дела. Так вот, Лев Иванович, краска, соскоб которой вы достали, именно та, эксклюзивная, для районов пустыни, где жара, большой перепад суточной температуры, песчаные бури, и морская вода очень высокой степени минерализации. Я узнал формулу и понял, что в контейнере того «КамАЗа» перевозили нашу машину. И теперь мне без вашей официальной помощи никак не обойтись. Вот я и пришел к вам. Поможете?

– Вы сумасшедший? – спросил Лев, рассматривая иностранца с неприкрытым интересом. – Вы в Интерполе работали, если не врите, и вы полагаете, что можно вот так подойти в любой стране к полковнику местной полиции и предложить сотрудничество частным образом? Это что, частная лавочка? Или вы там у себя на Западе привыкли ко всему относиться как к частной лавочке? Для вас все – бизнес?

– Давайте подождем, – улыбнулся Марк и посмотрел на наручные часы. – Вы просто помолчите, осмыслите, что я сказал. А насчет сотрудничества... минут через десять, может, и раньше...

Телефон зазвонил так неожиданно, что Гуров чертыхнулся и полез в пакет доставать его. Как назло, попадалось все время что-то не то, то бумажник, то наручные часы, то записная книжка. Когда он, наконец, извлек свой телефон и посмотрел на экран, то, к огромному своему изумлению, увидел, что звонит генерал Орлов.

– Слушаю, – отозвался Гуров, умышленно не называя по имени старого друга и начальника.

– Так, Лева! Чемоданы небось уже сложил? Ну, слушай! Тут ситуация немного изменилась. Межведомственная группа формируется и уже выезжает на место. Работу начнут по воз-

бужденному уголовному делу. Начнут с убийства Захарченко и Валовика, а там – как раскрутят. Но тебе придется задержаться. Серьезно все. Будешь дальше работать по этому делу, но вне группы, самостоятельно. Там к тебе подойдет один иностранец, сотрудничество с ним согласовано на уровне министра. Можешь доверять ему, он профессионал крепкий. Зовут Марк Додсон. Ты помогаешь ему в его розыске, ну, и заодно занимаешься раскрытием преступления на нашей территории. Если он попытается поставить дело так, что ты ему назначен в помощники, то помни: это наша территория, и все, что ему разрешается, все в пределах закона и международного сотрудничества. Твое слово для него закон, ты – представитель власти, а он – гость. Но я думаю, что тебя учить не надо, о тебя любой профи зубы сломает. Все понял? Вопросы есть?

– Пока нет, – коротко ответил Гуров. – Задачу понял. Как со связью?

– Связь по этому делу только со мной.

Лев опустил руку с телефоном, ожидая увидеть торжествующее лицо иностранца. Еще бы, такой эффект. Только сказал, и тут же звонок из Москвы, приказ сотрудничать. Но Додсон смотрел серьезно, без иронии и сарказма. Спросил только:

– Все решилось? Вам подтвердили? Ну и отлично!

– А вы любите острые ощущения, Марк. Адреналина не хватает на вашей службе? Слишком спокойная она у вас возле принца?

– Вы сейчас расспрашиваете меня, чтобы получить информацию, важную для совместной работы, или просто вам любопытно? – Додсон чуть помедлил, потом сам же и ответил на свой вопрос: – Думаю, что вы сказали это сейчас не совсем с одобрением, потому что вы любите во всем порядок и идеальное соблюдение закона. Тогда преступникам не в чем будет вас упрекнуть. Думаю, что они вас за это уважают. А еще вы задали мне вопрос об адреналине с некоторым одобрением. Вам нравятся люди, готовые на риск для пользы дела, люди, которые не любят спокойной кабинетной работы, будь они хоть тысячу раз признанными аналитиками.

– Наверное, у вас нет женщины, – с сарказмом улыбнулся Лев, – поэтому вы любите разговаривать сами с собой. Сами задаете вопросы, сами отвечаете.

– Опять вы меня переиграли, – развел руками англичанин. – Ладно, давайте о деле. Мне нужна ваша помощь, Лев Иванович. Вы уже в этом деле, вы владеете информацией. Мне нужно найти эту машину любой ценой. Причем я говорю не о деньгах, поймите меня правильно. Просто у нас принято выполнять поручения. Других сотрудников не держат. Поможете?

– У меня приказ, – усмехнулся Лев. Додсон начинал ему нравиться. – А у нас тоже принято выполнять приказы, иначе... до полковника не дослужиться. Ладно, что вы знаете о заказчике или людях, которые исполняли этот заказ?

– Ничего, – покачал головой Марк. – Я не знаю, на каком этапе отследили машину, когда произошла утечка информации. Вы же понимаете, что сделать такой заказ, полностью соблюдая тайну, невозможно. Сейчас там у нас пытаются вычислить того, кто «слил», как у вас говорят, информацию.

– Плохо. – Гуров задумчиво смотрел на море. – Значит, все равно придется начинать с нуля. Я рассчитывал, что у вас что-то есть. Я несколько дней занимаюсь этим делом, но пока сумел только понять, что вся затея с падением «КамАЗа» в пропасть и убийством двух людей – только отвлечение полиции от главного. Но есть у меня и кое-какие зацепки: женщина, которая добывала для заказчика информацию о следствии, и киллер, который пытался убрать важного свидетеля. И, кажется, мы видели их обоих в одной машине возле места, где преступники хранили трупы убитого водителя и сопровождающего.

– Нет у вас зацепки, Лев Иванович, – посмотрел на полковника виноватыми глазами Додсон и снова очень по-русски почесал в затылке. – Регина – мой человек. Она для меня добывала информацию.

– Что? Ваша? – теперь Гуров уже не смог скрыть своего крайнего изумления и разочарования.

– 4:1, – тихо вздохнул Марк. – Мне все же удалось добиться от вас сильных эмоций, но лучше бы все было иначе. Вы только не подумайте, что это она пыталась убить вас там, в кафе, и наняла человека. О том, что она каким-то образом оказалась в одной машине с киллером, я даже не знал. Надо ее допросить, Лев Иванович. Мне она не успела передать очередную часть полученной информации. Я еще многого не знаю.

– Кто она такая? – недовольно спросил Гуров. – Тоже из вашего «департамента»?

– Нет, она русская. Из Москвы. Вообще-то она проститутка, но проститутка элитная, дорогая. Она из эскорт-услуг. Женщина не глупая, артистичная. Я ее привлекал два раза, еще в то время, когда работал в Интерполе. Но ничего противозаконного и никакой измены родине. В этом я вам клянусь.

– Хорошо, мы с вами поступим следующим образом, Марк. Сначала говорим с ней вдвоем. Это нужно, чтобы она понимала, что мы заодно с вами и делаем одно дело. А потом уж я с ней побеседую отдельно. Это, чтобы она не забывала, что дело расследуется российской полицией, что она – гражданка России, что все еще находится в категории подозреваемых.

– Я как раз хотел вас попросить не выпускать ее из следственного изолятора. Это для нее было бы опасно. Преступники могут посчитать, что она много знает, и уберут ее.

Они договорились о встрече через два часа возле торгового центра, откуда оперативники Мартянова на машине отвезут их с Додсоном в СИЗО, прямо на закрытую служебную территорию. Гуров возвращался в гостиницу прогулочным, неторопливым шагом. Подумать надо было успеть о многом. Самое главное, что Петр в курсе. А уж Орлов-то решения не принял бы, не будь он уверен. Значит, ему предоставили серьезные доказательства или он получил приказ помогать Додсону на уровне не ниже министра или откуда-то повыше. Да, Марк работать явно умеет. Теперь Регина!

Эта женщина беспокоила Гурова очень серьезно. Где гарантия, что ее не перекупили преступники, где гарантия, что Марк контролировал ее очень надежно? Почему она оказалась в одной машине с киллером? Почему киллер вошел в кафе и открыл огонь только после того, как Регину увезли? То, что она элитная проститутка, как раз делало ее личность опасной. Связи у нее могли быть просто немыслимые и возможности тоже. Что она за человек? С этим еще предстояло разобраться.

И последнее. Лев не удержался и сел в сквере на лавочку. Нужно все обдумать, пока мысли в голове текут ровно и жара не одурманила окончательно. Он размышлял, глядя на играющую на детской площадке ребятню. Вид играющих детей успокаивал, мысли текли ровнее, выводы делались разумнее. Зачем украденную в Арабских Эмиратах эксклюзивную машину потащили в Россию? Цель хищения? Когда крадут автомашины, то целей существует две. И всегда только две: или владеть этой машиной, утолить свое желание иметь такую или именно эту машину, или разобрать ее на запчасти, у престижной фирмы оригинальные детали всегда дороги. А у машины, которую ищет Додсон и которую теперь с ним вместе придется искать и ему, очень много эксклюзивного внутри. Значит, эти «примочки», которыми она напичкана, тоже стоят «как чугунный мост».

И если угонять машину ради машины как эксклюзивного изделия для использования ее по прямому назначению, то покупатель может находиться в любой точке планеты. Им может оказаться любой миллиардер. И то, что машину сгрузили с корабля в Сочи в России, вовсе не означает, что покупатель тоже живет в России. Это может оказаться очередной попыткой запутать след машины. Конечный пункт следования может находиться в Индии, Китае, Японии или в Польше, Германии, Хорватии. А вот если машину хотят разобрать на дорогие запчасти, то с одной, пусть и очень дорогой, возиться не рентабельно. Должна существовать система, должен быть налажен поток дорогих машин для их разборки и каналы сбыта запчастей. Если в

первом случае это единичная операция, то во втором это уже налаженный конвейер, в котором задействованы десятки и сотни людей постоянно.

Через час по запросу из Москвы Гурову продлили срок проживания в номере ведомственной гостиницы ГУВД. А когда Орлов поднял трубку, стало понятно, что у него идет совещание, но Петр его мгновенно остановил и выпроводил всех из кабинета.

– Ну, докладывай, – нетерпеливо сказал он, когда в кабинете стало тихо.

– Во-первых, Петр, – заговорил Гуров, глядя в свои записи в блокноте. – Мне нужна оперативная установка на эту Регину Симонину. Есть сведения, что она работает в каком-то эскорт-агентстве и что она элитная проститутка. На агентство тоже нужна установка. Кто пользуется, в каких кругах они свои девушек крутят, какие связи могут быть у Симониной и на каком уровне. Во-вторых, прикажи поднять все оперативные данные по подпольным автомастерским, где могут заниматься разборкой дорогих иномарок. Очень дорогих, Петр. Географически – это от Кавказского побережья Черного моря и до широты Воронежа и Саратова. Третье, конторы, которые занимаются поставкой запчастей для дорогих иномарок. Особенно те конторы, которые норовят работать «вчерную». Географически в тех же пределах. Это пока все.

– Хорошо, сделаем, – согласился Орлов. – А по Додсону, я так понимаю, у тебя вопросов не возникло.

– По Додсону? – Лев помолчал немного, потом добавил: – А какие вопросы у меня могут по нему быть? Он пришел через тебя, значит, ты в нем уверен, подозрений ты своих не высказал, значит, все нормально. Если мы друг другу верить не будем, то как работать? Ты же в курсе его проблем, знаешь, зачем он приехал?

– Ты о подарке принца своей невесте? – Орлов тихо засмеялся. – Да, у всех у нас свои проблемы. Я тестя в клинику устроить не могу, а у него автомобильчик за полтора миллиарда украли.

– За сколько? – чуть не поперхнулся Лев.

– Я образно сказал. Для красного словца. Я не знаю, сколько стоит этот кабриолет, и знать не хочу.

Регина даже в спортивном костюме в стенах следственного изолятора, окрашенных в унылый синий цвет, смотрелась изящно. Удивительная способность, подумал Гуров, глядя на вошедшую в комнату для допросов женщину, на то, как села на стул, привинченный к полу, как небрежно откинула волосы и бросила задумчивый взгляд в зарешеченное окно. И никаких вопрошающих взглядов на своего «шефа», на полковника полиции, с которым она вместе летела в самолете, и могла рассчитывать на отношение к себе как к старой знакомой. Просто ожидание того, что вызвавшие ее из камеры мужчины сами скажут, что им нужно. Зачем утруждать себя лишними расспросами. Даже не так, не утруждать, а унижать себя лишними вопросами. Решает тот, кто платит. Ей платил Додсон, пусть он решает. Этот полковник из Москвы, он в некотором роде тоже платит – то есть от него зависит, сидеть ей в СИЗО или не сидеть. Будет на нее уголовное дело или нет. Будет она признана подозреваемой или свидетелем. Решать, конечно, положено следователю, но Регина давно убедилась, что за рядовых сотрудников полиции и следственного комитета решают люди в погонах с большими звездочками. Так было всегда и так будет.

Хорошая у нее школа за плечами, подумал Лев, умеет владеть собой и подавать себя собеседнику. Но сейчас это ей не нужно, делает все по привычке. Сейчас важны только слова, только информация.

– Как вы себя чувствуете, Регина? – спросил он.

– Как в тюрьме, – спокойно ответила женщина. – Разве здесь можно чувствовать себя иначе?

– Можно, – возразил Лев. – Например, как в самом безопасном месте для вас. Учитывая то положение, в котором вы оказались.

– А вы теперь, значит, заодно? – бросив внимательный взгляд на мужчин, усмехнулась Регина. – Я думала, вы Марка вышлете из страны и больше никогда не дадите визы.

– За что? – удивился Гуров.

– Не знаю, – пожала она плечами. – Так, подумалось просто. Иностранец все же.

Но во взгляде, который Регина бросила на англичанина, была хитринка, намек. Вроде бы ничего не значащая фраза, а в ней предложение: ты вытягиваешь меня, а я не болтаю лишнего о твоих заданиях, которые для тебя выполняла.

– Перестаньте, Регина, – чуть сведя хмуро брови, ответил Додсон. – Вы здесь потому, что обстоятельства так сложились. И сейчас вам действительно лучше побыть здесь, так всем будет спокойнее. Расскажите лучше, с кем вы были в машине у реки в Теновом переулке? В тот день, когда за вами гналась полицейская машина. И когда у вас проверяли документы возле кладбища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.